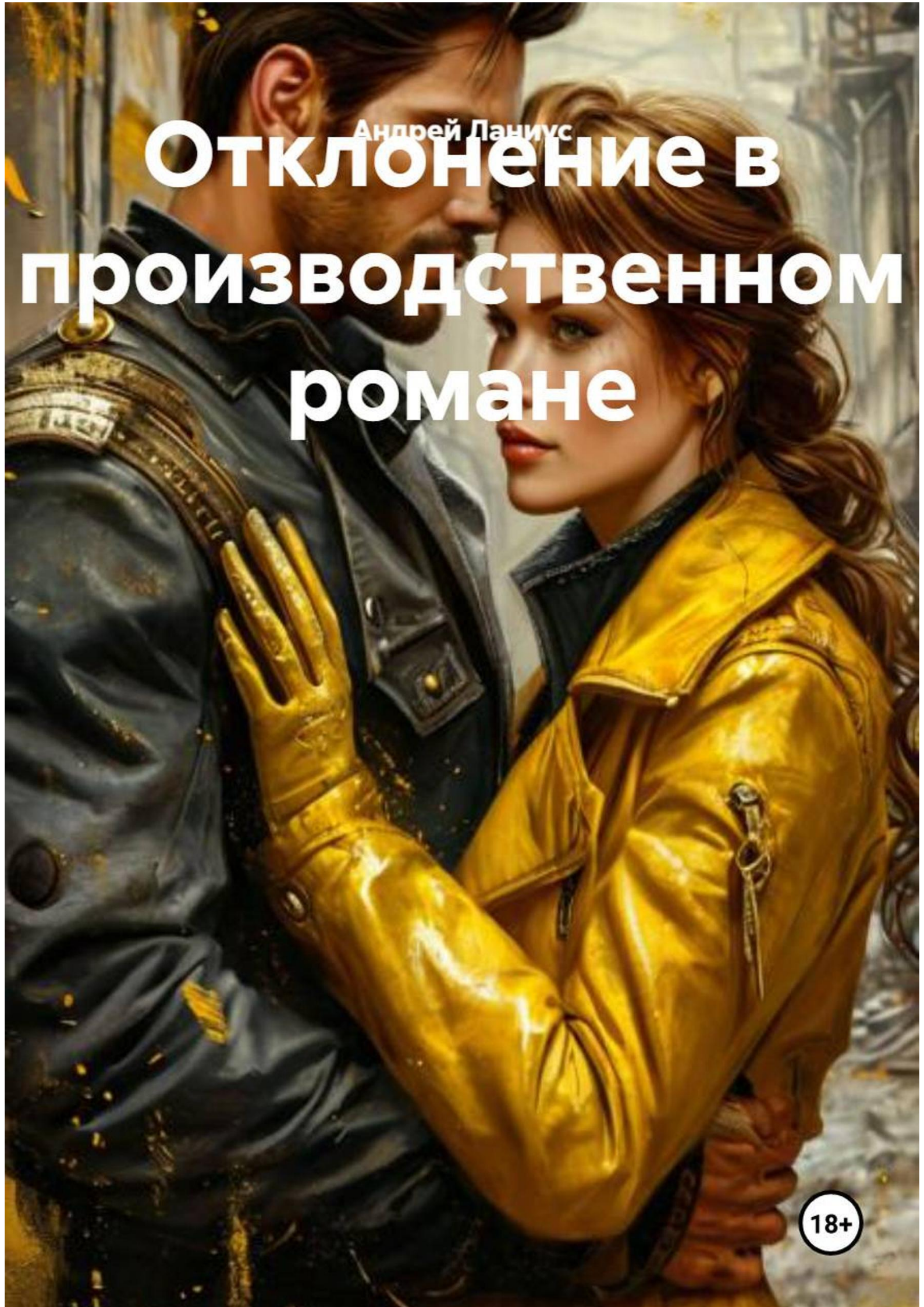

Андрей Ланиус

Отклонение в производственном романе

18+

Андрей Ланиус

**Отклонение в
производственном романе**

«Автор»

2026

Ланиус А.

Отклонение в производственном романе / А. Ланиус — «Автор»,
2026

Даже , если приключится роман на производстве, то все равно золото манит нас и прикажет желтый идол нам и т д и т п. Не может быть доверительных отношений между людьми, если в основе лежит принцип - " делай деньги - дребеденьги, остальное все чушь и тлен!"

© Ланиус А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Ядро	5
Глава 2 Быть или не быть?	9
Глава 3 Всё хорошо, прекрасная маркиза...	14
Глава 4 Любимая женщина Антона Валерьяновича Филимонова	18
Глава 5 Через тернии к ...звездам?	21
Глава 6 Рубикон	25
Глава 7 О, женщины!	27
Глава 8 Понедельник - день тяжелый	32
Глава 9 Другая женщина и очередные хлопоты	38
Глава 10 Дела, дела...	45
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Андрей Ланиус

Отклонение в производственном романе

Глава 1 Ядро

Шаров приехал в первом часу

Антон услышал, как у ворот остановилась машина,, затем хлопнула дверца, скрипнула калитка. Послышалось радостное тьяканье маленькой вертлявой собачонки Бульки, которой Шаров частенько подкидывал лакомые кусочки.

Антон отложил книгу, поднявшись из-за стола, зажег на веранде свет. Навстречу ему шагал Шаров- коренастый, круглолицый мужчина сорока лет, прозванный среди рабочих «Ядром»- главным образом за взрывную, неиссякаемую энергию, который он был начинен, будто вылетающее из пушечного жерла чугунное ядро. Его длинный нос, что навис над толстой губой, напоминал клюв сильной, неустомимой птицы. Жесткие короткие волосы торчали вертикально, словно наэлектризованные. Маленькие голубоватые глазки, незнакомые с очками, казалось, видят насквозь.

- Здравствуйте, Лев Кириллович!

- Валерьяныч! Рад видеть! – Шаров протянул небольшую мясистую ладонь, крепко пожав руку. – Тетя Вера дома?

- На дежурстве.

- Тем лучше! Чайком угостишь?

- Обязательно. Можно и яичницу сварганить.

- Отлично! Жрать охота, извините за мой французский.

Они прошли на кухню.

Антон ничуть не удивил поздний визит главного инженера. Кабинетной крысой того не назовешь. Шаров без устали мотался по объектам, вникал в вопросы и вопросики, устраивал планерки и совещания, доказывал, убеждал, предлагал новые идеи, и все это было шумно, задиристо, настойчиво.

Наверняка инспектировал соседний участок, и увлекшись, задержался допоздна. И уж тут ему был прямой резон ехать на ночлег к Антону. Ибо, в отличие от других участков, здесь можно было выспаться не в тесном вагончике, а в уютном доме, у хозяйки которого – доброй и гостеприимной женщины – мехколонна арендовала две комнаты. А Шаров любил комфорт, хотя при необходимости мог щегольнуть полным к нему пренебрежением.

Лицо Шарова сияло, в глазах – ни тени усталости, модная рубашка по швам, распираемая упругими, перекатывающимися мышцами.

- Ну, Антон Валерьянович, ну, мой дорогой Молись за меня! Молись за меня! – повторил он несколько раз, жмурясь от сильного света стоваттной лампочки.

- И какого рода должна быть молитва? – не без иронии спросил Антон.

- Сейчас информирую.

Шаров принялся ходить из угла в угол, твердо ступая туфлями на высоких каблуках.

- Так вот, я нашел живого монтажного бога.

- Вы верите в богов?

- В монтажных – верю!

- С каской вместе нимба и гаечным ключом в руках?

- Вот погоди, познакомлю тебя с ним – не будешь смеяться.

- А если серьезно?

- Все серьезно, мой дорогой, все вполне серьезно. Объясняю. Есть на стороне, понимаешь, на стороне – хорошая бригада. Работают ребята, как черти. А бригадир и есть тот самый монтажный бог. Гефест. Они согласны поработать на твоём участке. Понял?

- Не очень. Разве мои плохо работают? Второй месяц первое место держим в колонне Шаров сорвался с места:

- Первое место! Кому завезли вовремя материалы, у того и первое место. Тебе сейчас рывок нужен, импульс!

- Минуту, я чай заварю.

Тем временем Шаров взял со стола книгу, которую Антон читал перед его приездом, взглянул на обложку.

- Детектив «Загадочный звонок» Не жалко времени?

- Не справочники же читать на ночь?

- Говорят детективы хорошо от бессонницы помогают, - рассмеялся Шаров. - Но и справочники для нашего брата, инженера, вещь стоящая.

- Этого я не забываю.

- Так вот. Я тебе настоятельно советую бога-олимпийца этого признать. Я тут кое-что прикинул. Сейчас у нас начало августа 1982 года. Увидишь, всю трассу сдадим к ноябрьским. Чувешь, чем пахнет? В гору пойдешь! Глаз у тебя верный, еще вспомнишь. Да и бригадирам твоим пора ломать хребет. Знаю, что за обстановка у тебя на участке. Выжидают Признать не спешат Ничего! Мы кое-кого подняли, мы и опустим. Веселей, Валерьяныч! Разрубишь свой гордиев узел. Одним ударом! Как Ганнибал!

- Александр Македонский, - поправил Антон.

- Какая разница! – Шаров махнул рукой. – Я понимаю, нужно подумать. Не тороплю. Давай сделаем так: на отгулы уезжаете послезавтра? Это будет среда. Вечером отдохни, а в четверг приходи к одиннадцати в мехколонну. Там все вопросы и обговорим.

- А все-таки, что за бригаду вы мне сватаете? Шабашников?

Шаров даже не протестовал:

- Юридически можно назвать и так. Но в смысле дисциплины, трудолюбия, работоспособности – это что-то невероятное. Я на своем веку повидал немало разных шабашников, и даю тебе слово, это – новая волна. Шабашники, они, брат, дух времени отлично чуют.

Шаров громко отхлебнул из пиалы, вскочил и вновь забегал по кухне. В такие минуты он особенно оправдывая свое прозвище.

- Монтажник, шабашники – какая разница? Мы ставим под напряжение на два месяца под напряжение на два месяца раньше срока важнейший объект – ЛЭП500! Это главное, а все остальное шелуха! Я завтра - Тут он взглянул на часы и улыбнулся - вернее, сегодня выезжаю в полшестого, чтобы к девяти быть в мехколонне. Куча дел. Все надо успеть. Целый день провел сегодня у Твердохлеба. Упрямый старик! – он покачал головой. – Хотелось бы детально разобраться и с твоим участком, но опаздывать нельзя, будет совещание с представителями треста, а дорога, сам понимаешь, дальняя. Так что будить не буду, спи спокойно. Что у тебя новенького? Дай-ка, я отмечу. – Он открыл свой «походный» портфель, выудил из него пикетажку. Портфель приткнул к вешалке, на которой висела спецовка Антона.

Заполняя пустые клетки свежими сведениями о ходе строительства ЛЭП, Шаров приговаривал:

- Я понимаю, все понимаю, Валерьяныч. Тебе надо сейчас утверждать себя. Наша жизнь – человеческая жизнь, в сущности очень проста. Главное – попасть в струю. Получилось – будь спокоен, донесет она тебе до нужного места, а ты только поглядывай, как бы не влететь в водоворот. Но стоит зазеваться – вышвырнет из струи, а то и затянет. Вышвырнуло – есть надежда попасть в новую струю. Сил, правда, осталось меньше, зато появился опыт. Но этот второй – критический. Если вышвырнет снова – сил на новую попытку останется минимально. Третий

бывает только в сказках. А хуже всего – плыть в струе против течения. Это тоже верная гибель, притом мучительная.

- У ас целая теория, - отозвался Антон.

- А как же! Своя теория, брат есть у каждого. У тебя-то наверняка есть!

Антон задумался, затем произнес, как бы удивляясь, что в памяти отыскалось то, чего он не надеялся обнаружить.

- ЕстьВернее, была.

- Ну вот! – самодовольно заключил Шаров. – А почему была?

- Я про нее и думать забыл. Даже не пойму, почему вспомнилБудто вспышка в мозгу.

- А ну-ка, давай посмотрим, что ты там вспомнил?

- Так, пустяки Нет, надо же! Вспомнил вдруг Мне в седьмом классе пришлось поменять школу. И вот попал в спортивный класс, а сам был слабаком, дистрофиком, гнилым, лохом. Не очень просто быть слабаком в спортивном классе. И тогда я поставил цель: выполнить за два года норму первого разряда по легкой атлетике. И выполнил. Но было трудно. Дьявольски трудно. Вот тогда-то я и придумал теорию кистеперой рыбы.

- Что это за живность такая?

- Это рыба, которая появилась на земле около трехсот миллионов лет назад.

- С динозаврами?

- Много раньше! Именно в ту эпоху начал меняться климат планеты. Солнце светило все ярче, водоемы мелели. И кистеперой рыбе, чтобы спастись, чтобы продлить род, необходимо было научиться передвигаться по суше. Представляете, как она вначале мучилась и ломала плавники? И все же овладела сушей и дала жизнь всем сухопутным существам, в том числе и динозаврам. То есть, надо двигаться, упорствовать, видеть цель – и тогда можно достичь всего. А рыба, кстати, живет до сих пор.

Шаров кивнул:

- Мне эта теория нравится. Хочешь хорошо жить - надо работать. Без работы и везения не бывает. Так-то, брат. Участок твой работает вроде неплохо. Все колесики и шестеренки – пусть даже ведущей, а работником, который задает программу всему механизму.

Он посмотрел на часы и укоризненно покачал головой:

- Однако, пора на боковую. Давай! Спокойной ночи! Встречаемся в четверг.

Антон пошел к себе. В этом большом чужом доме он ночевал в угловой комнате, две трети которой занимала старая чугунная комната.

Антон верил Шарову. Эта вера была, пожалуй, самым сильным чувством, которое он испытал по отношению к своему непосредственному шефу.

Дружелюбие, приязнь, взаимная симпатия как-то сразу наметились в отношениях, когда в 1979 году Антон пришел в мехколонну на должность прораба.

Антону нравились уверенные, чуть резковатые манеры Шарова, его деловитость и решительность. На планерках Антон неизменно поддерживал его предложения, всегда логичные и толково взвешенные.

Незадолго до майских праздников в мехколонне произошла сенсация. Петр Григорьевич Колобов, старый монтажный зубр, начальник третьего участка – самого крупного и рентабельного, решил оставить работу и заняться пчеловодством. И то – седьмой десяток человеку. Недели две конторские гадали, кто же займет место Колобова? Ткачук? Сафин? Иванов?

Оказалось - Антон Валерьянович Филимонов. Причем окончательное решение было принято с учетом настоящей рекомендации Шарова.

И вот позади почти три месяца работы в новой должности.

Участок перевыполняет план, идет на первом месте по всем показателям.

Но Антон не обманывался. Привычка здраво смотреть на вещи выработалась у него давно. До сих пор он только формально именуется начальником участка. Участок по-преж-

нему называют «колобовским». Раз по двадцать на дню о слышит – «А вот когда был Петр Григорьевич» Настоящего авторитета у него пока нет, хотя и выкладывается на все сто. На участке, да и в мехколонне, немало людей, которые признали его, но есть «нейтральные», есть и откровенные противники. Слава Колобова тяжким камнем лежит на плечах. Первые места по итогам летних месяцев – это как наследие.

Был только один способ утвердиться по-настоящему: доказать всем – от бригадиров до уборщиц – что он, Филимонов, умеет работать.

Построить свой участок трассы раньше других – не это ли самый верный путь к признанию? Разве он сам втайне не мечтал о стремительной, крупной победе?

Шаров далеко не альтруист. Вряд ли он заботиться о благе старшего прораба Филимонова. Несмотря на всю его энергию и работоспособность, Шарову тоже не легко.

В мехколонне он еще не обладает непререкаемым авторитетом, а хотел бы. Начальники участков и отделов, на чьих глазах он вырос, зачастую пускаются с ним в спор, чего он не любит, а подчас даже склоняют изменить решение. Надо послушать, как разговаривает с ним Твердохлеб!

Шарову тоже нужны свои люди

А вдруг?!

А вдруг его предложение – то именно то, что нужно?

Антон выбросил за окно окурок, повернулся на другой бок.

С Шаровым им по пути и оба прекрасно понимают это. По пути.

С этой мыслью он заснул.

Глава 2 Быть или не быть?

Антон проснулся как всегда в половине седьмого. Шарова уже не было. На кухонном столе лежала записка:

«А.В.! Не забудь! В четверг в 11-00 в мехколонне. Шаров.»

Антон вынес остатки вчерашнего супа Бульке. Вероники Маврикиевны, хозяйки дома, еще не было – обычно она возвращалась с дежурства в девять.

Он закрыл калитку и зашагал по обочине дороги, ощущая привычную бодрость.

День обещал быть знойным, по утрам выдалось прохладное, каким оно и бывает в предгорных заданий, так что Антон слегка поежился в своей тоненькой курточке.

От дома Вероники Маврикиевны до лагеря, который располагался за перекрестком двух шоссежных дорог, было полторы сотни метров. Здесь была околица поселка. Дальше – за обширным пустырем – до самых оранжевых гор, чья макушки были увенчаны лохматыми белыми шапками, тянулись сады, поля, виноградники. Одна из вершин была двухглавой, вернее, двухгорбой, так как живо напоминал спину верблюда. Вот впадина между горбами загорелась, сделалась нестерпимо яркой. Солнечный диск спешил на свое рабочее место, разгоняя ключья утреннего тумана.

Левая сторона дороги, вдоль которого шагал Антон, была застроена добротными одноэтажными домами, справа же – за оградой – располагалось хозяйство областного аэропорта. Нетерпеливо дожидался взлета элегантный ЯК-40. С голубого чистого неба скользил вниз курносый АН-24. Аэропорт был в общем-то тихим. Лишь дважды в неделю окна в окрестностях домов дребезжали несколько минут подряд – улетал, а затем прилетал московский ТУ-154.

С Антоном не раз случалось что утром, на свежую голову, он критически переосмысливал идею, которая еще минувшим вечером выглядела заманчиво и многообещающе. Вот и сейчас подумалось: а всё ли взвесил Шаров, предлагая столь необычный вариант? Что-то не приходилось слышать, чтобы шабашники подряжались строить ЛЭП.

Ну да ладно, до четверга еще целая вечность – есть время прикинуть все «за» и «против».

И все же появилась реальная надежда быстрее и прочнее утвердиться приятно волновала.

Антон миновал перекресток и оказался на территории участка.

Семь утра.

Тихо было в двух десятках вагончиков, что выстроилось буквой П. Казалось, что и могучие грузовики, также поставленные в ряд на некотором удалении от жилья, тихонько дремлют, досматривают свои механические сны.

В момент, когда Антон поравнялся с зеленым вагончиком, стоявшем на высоких колодках, дверь распахнулась и на узкое крылечко вышел Николай Алексеевич Бондаренко – бригадир верхолазов.

Почти ежедневно они встречались по утрам у этого крылечка.

- Здравствуйте, Антон Валерьянович.

Бондаренко легко наклонил свою крупную красивую голову с пышной гривой светлых, чуть тронутых сединой волос.

- Здравствуйте, Николай Алексеевич. Как спалось?

- Спасибо. Хорошо, - то перекинул полотенце на другое плечо и не пеша зашагал к умывальнику, играя завидными для пятидесятилетнего мужчины мышцами.

Антон несколько секунд постоял, задумавшись.

Бондаренко – орденосец, заслуженный строитель, монтажный зубр – в обращении с Антоном был ровен и вежлив, впрочем, как со всеми окружающими. В каждом его жесте, слове чувствовался человек, знающий себе цену, со своей собственной точкой зрения на любой вопрос, хотя он и не торопился. Опытный работник, правда, несколько «пристрастившийся»

к похвалам и наградам, он пользовался немалым влиянием в коллективе. Много раз ему предлагали занять инженерную деятельность, но Бондаренко отказывался, ссылаясь на недостаточность образования.

У Антона было четкое мнение, что Бондаренко не воспринимает его всерьез. Пока идет все нормально, тот вежливо раскланивается, но случись накладка, Бондаренко пойдет к управляющему трестом или главком, к министру и своим ровным тоном скажет там, что не понимает, почему на руководящие должности ставят людей недостаточно подготовленных для этого, таких, к примеру, как Филимонов. И скажет он так не потому что желает Антону зла, нет, просто он твердо убежден, что Антон при всех его положительных качествах обладает тремя существенными недостатками – молод, неопытен, вспыльчив. Пусть поработает лет 20 прорабом. А выдвигать надо таких людей, как Колобов и Твердохлеб.

Завоевать доверие Бондаренко, просто почувствовать его серьезное отношение к себе – это и значило бы утвердиться.

Антон еще раз посмотрел в сторону Бондаренко.

Попробуй, завоюй такого! А ведь надо

Из вагончика – красного уголка вышел сторож участка дед Нестерко. На голове старая шапка с торчащими незавязанными ушками, на плечах – распахнутая телогрейка, ноги в валенках.

Он улыбнулся, отчего его коричневое, сморщенное, как высохшая груша, лицо сморщилось еще заметнее.

- Здравия желаем!

- Доброе утро, дядя Нестерко! Пора. Буди народ.

- Буйт сделано!

Сторож прошмыгнул обратно, повозился – в вагончике что-то пискнуло, свистнуло, хрюкнуло и тут же в динамике разнесли по всей округе позывные «Маяка».

Антон вошел в столовую. Здесь было пусто, лишь на кухне повариха Тамара гремела мисками. Он заглянул в окошечко:

- Здравствуй, красавица!

- Ой, здравствуйте, - вспыхнула та, потупив огромные синие глазища.

- Завтрак готов?

- Еще 15 минут назад.

- Что на сегодня?

- Котлеты пирожки с повидло и кофе. Вы будете есть?

- Пожалуй, дай пару пирожков и кружку кофе.

Вот для Тамары авторитет Антона был непререкаемый. Пожалуй, она даже малость побаивалась начальника, хотя тот был искренне ей благодарен за то, что она избавила его от хлопот по одной из самых больных проблем.

Прежде – еще в бытность Антона прораба – участку не везло с поваром. Из присылали то ворчливую тетку, то молодых девчонок – только-только после кулинарного училища. Тетка жаловалась на жару, девчонки хныкали и вспоминали мам, и все одинаково невкусно готовили и почему-то не могли правильно рассчитать число порций, так что монтажники, приехавшие с трассы последними, нередко оставались без ужина.

И вот месяца два назад шофер Ходжиабар Шайхов привез на участок чумазую девчушку в промасленном комбинезоне. Оказалось, у Ходжиабара по дороге вышел бензин, он свернул в ближайшей колхозной заправке, надеясь уломать заправщика и залить в бак хотя бы десяток литров. На заправке распорядилась бойкая девица. Мешковатый комбинезон, покрытый пятнами солянки, не смог скрыть ее статной фигуры, точно так же, как осевшая на лицо пыль была не состоянии затмить синеву ее огромных глаз, невесть как залетевших в эту сплошь кареглазую местность.

Разговорились. Точно неизвестно, что именно насочинял ей Ходжиакбар об участке. Девушка упросила взять ее с собой, оставив заправку на попечение помощника. Несмотря на робость, охватившую ее в присутствии Антона, она довольно твердо высказала желание работать в столовой

В первый же день Тамара завоевала сердце монтажников. Сначала своим видом, когда появилась перед ними в белом халатике и кокетливом колпачке.

Всеобщая симпатия возросла еще более, когда был отведен приготовленный ею борщ. Вот это борщ! В меру соленый и перченый, сдобренный помидорами, зеленью и чесночком. Чистое объединение!

Тамара по-прежнему робела в присутствии начальника участка. Вместе с тем в ее натуре все отчетливее проступала деловая хватка.

Повариха поставила перед Антоном тарелку с пышными горячими пирожками, большую кружку кофе, сама села напротив.

- Чего скажешь, красавица? – спросил он, с удовольствием отхлебнув бодрящий напиток.

Она опять покраснела.

- Антон Валерьянович, когда вы, наконец, привезете занавески на окна? Если нет готовых, дайте хотя бы простыни. Ну, посмотрите, что за вид в столовой без занавесок? И насчет вазочек давайте решим, - она выпалила все это на одном дыхании, словно опасаясь, что он перебьет.

Антон вздохнул, вынул из кармана записную книжку.

- Вот, смотри, - показал ей заполненную страничку, - насчет твоих занавесочек и вазочек я записал еще в начале десятидневки. Ты же знаешь, что это барахло я могу получить только на складе мехколонны и что бываю там только во время отгулов. А ты уже четвертый раз напоминаешь мне о тряпках. Что мне спецмашину заказывать?

- Извините, - прошептала она. – Я просточтобы вы не забыли.

- Не забыл, как видишь. Что еще?

Она снова вспыхнула. Заговорила прерывисто:

- Антон Валерьянович Мне говорили, будто в Ташкенте есть общежитие мехколонны. Вы не смогли бы написать записку коменданту, чтобы меня поселили, пока отгулы? – в глазах просительное выражение.

Он пожал плечами:

- Пожалуйста Но зачем тебе?

- А хочется. Я ведь не разу в Ташкенте не была. Хотя посмотреть, как там женщины одеваются.

- О, это серьезный довод

- Так вы напишите?

Раскрылась дверь и в столовую втекла шумная толпа.

- Ой, мне пора! – вскочила со скамейки Тамара. – Значит, дадите записку?

- Обязательно!

«Впендюрить бы ей!» - неожиданно возникла мысль в голове молодого начальника.

Первой, как всегда, у окошка сгрудилась бригада Рауфа Мансурова. Рауф – худощавый, гибкий, чуть косолапый парень с прямой, словно негнушейся спиной, - самый молодой из бригадиров. С Антоном он был на «ты», запросто называет его по имени. Антон и виду не подает, что это его хоть как-то задевает. Он знает: на Рауфа и его парней можно положиться при всех обстоятельствах.

От окошка доносились привычные сальные шуточки. Монтажники изощрались в остроумии:

- У, какие сегодня порции маленькие!

- А пирожки с чем? Опять с лавровым листом?

- А кофе почему соленое? (Говорили именно так – «соленое»)

- А котлеты из чего – из морковки, что ли?

За раздаточным окошком Тамара преображалась. Уже не покрасневшая, а скорее раскрасневшаяся, она успевала кормить завтраком восемь десятков крепких мужчин, одновременно ловко парируя шуточки, реплики и остроты.

В дверях на выходе Антон столкнулся лицом к лицу с третьим своим бригадиром Маратом Бурлаковым..

- Здравствуйте, Антон Валерьянович, - криво усмехнулся тот.(Или Антону только показалось, что криво?)

- Здравствуйте, Марат Николаевич, - подчеркнуто официально ответил Антон, проходя мимо. Его отношения с Бурлаковым становились все суше, строже, натянутей

- Антон Валерьянович - тот улыбнулся вымученной улыбкой.

- Да?

- Так вы не забудете насчет болт-шарниров?

Антон раздражали и этот тон, и эта улыбка.

- Почему вы вдруг решили, что я могу забыть? Сегодня к вечеру все проточат. В мастерской я уже договорился.

Бурлаков , видимо, тоже преодолевал что-то в себе. Улыбка превратилась в гримасу:

- К вечеру будет поздно. Мне две штуки нужны до обеда.

Антон нахмурился:

- Марат Николаевич, на планерке вы говорили, что болт-шарниры потребуются на завтра.

Я исходил из вашей заявки. А теперь получается – я должен все бросить и ехать в чужую организацию с новой просьбой.

- Да вы не сердитесь, Антон Валерьянович, - примирительным тоном произнес Бурлаков.- Я же не виноват, что ребята постарались и поставили вчера три опоры вместо двух.

- Вот за это – спасибо! Но, по крайней мере, вчера вечером вы могли сказать про шарниры?

- Забыл. Извините.

Антон досадливо махнул рукой, и, повернувшись, зашагал к рации, которая размещалась в специальном отсеке вагончика-конторы. Веснушчатая толстушка Клава – радистка по прозвищу « радистка Кэт» и по совместительству кладовщица – включила приемник и сейчас сидела, уткнувшись в книгу. На связь с мехколонной обычно выходили в девять, но рацию включали в восемь – в это время можно было переговорить с соседними участками.

- Кто-нибудь спрашивал нас? – поинтересовался Антон.

- Нет.

- Передашь сводку вот эти радиogramмы. Меня не будет. Я в райсельхозтехнику, оттуда на трассу.

- Хорошо.

Завтрак тем временем кончился.

Хлопали двери вагончиков. Шуршал под ногами гравий. Взревели автомобильные моторы, перекрывая громкие голоса. Монтажники, гомоня и перебрасываясь шутками, рассаживались по машинам, грузили в кузова такелаж и арматуру. К Антону подошел высоченный и тощий (ни дать ни взять жердь) монтажник по прозвищу Шило. Сзади маячил бригадир Галаган – поджарый, с рыжим казацким чубом.

Галаган кашлянул.

- Мастер, ну как, приедешь сегодня переход смотреть? – будто подстегнутый этим покашливанием спросил Шило.

- Обязательно.

- А то гонять технику туда-сюда

Бригада Галагана была наиболее близка Антону. С нее началась его работа в ПМК. Тогда они строили небольшую ЛЭП в совхозе, жили в одном вагончике

Хлебали из одного котла, сообща проводили короткие часы досуга. С этими ребятами он чувствовал себя легко. По привычке они продолжали звать его «мастером». Отношения практически не изменились после назначения Антона начальником участка. Не изменились и некоторые странные манеры самого Галагана. Вопросы он решал, напуская на Антона заранее подготовленного Шиля, и сам, стоя сзади, корректировал разговор, покашливая и сопя в нужных местах.

- Я приеду, приеду, - пообещал Антон.

- Будем ждать мастер.

Первая машина, урча, выползла на асфальт, свернула на перекресток и помчалась в сторону гор. За ней вторая, третья. Прошло несколько минут и на участке установилась полная тишина.

Дождавшись напарницу тетю Глашу, ушла вздремнуть пару часиков Тамара. Тетя Глаша поставила на плиту бак с водой, вынесла на улицу ведро картошки и, усевшись на маленький табурет, принялась за чистку.

Глава 3 Всё хорошо, прекрасная маркиза...

Уборщица тетя Тоня – пожилая рыхлая женщина – пришла на участок около двенадцати. Достала из деревянного ящика веник, ведро, швабру с тряпкой и подошла к вагончику-клубу.

Здесь на низенькой лавочке сидел дядя Нестерко. Давно бы ему уже быть дома, но не мог он без того, чтобы не посидеть полчасика с тетей Тоней, не посудачить о том о сем.

- Слушай, дед, а жена-то у нашего нового начальника имеется?

- Не жена, а подруженька.

- Откуда знаешь?

- Видел.

- Где?

Дядя Нестерко не спешил, смакововал паузу:

- Здесь на участке.

- Наша, что ли, поселковая?

- Не-а.

- Неужели привозил?

- Сама приезжала. Хорошая девонька. Беленькая. Только не по мне. Тоненькая какая-то. Подержаться не за что. Эх, где мои семнадцать лет! – и дядя Нестерко попытался ущипнуть тетю Тоню. Добродетель тети Тони защитила толстая рабочая фуфайка.

В это время Антон Валерьянович подъехал к пикету, где работала бригада Галагана, монтажники уже установили в котлован два фундамента. Готовились ставить третий. У самого края котлована стоял приземистый тракторный кран ТК. В будке – скворечнике колдовал над рычагами Шило, едва не упираясь головой в крышу. Прямо под крюком крана бульдозерист Игорь Яблоков подтаскивал «волоком» очередной фундамент – этакий гигантский гриб с квадратной шляпкой. Вот Шило дал отмашку. Хорош!

В котловане двое парней – Володя и Латиф (оба крупные, мускулистые) – вооружившись лопатами, готовят площадку под фундаменты. Наверну с дальномерной рейкой стоял весельчак Дима- и дает команду, где чуть снять землицы, а где малость подсыпать.

- Мастер! – тонко кричит он. – Отгадай загадку: летит, кричит, когтями машет.

- Сдаюсь! – Антон поднимает руку кверху.

- Это монтер летит со столба, – булькающе хохочет монтажник. В сторонке комплектует арматуру шофер Ходжаакбар Шайхов- тот самый, чьими стараниями на участке благополучно разрешилась проблема питания.

Сам бригадир Богдан Галаган установил теодолит чуть ниже пикета и теперь командует Диме, чтобы тот выпрямил рейку. Вот бригадир припал к окуляру и, удовлетворенно крякнул, дал отмашку. Все нормально. Как в аптеке. Можно ставить.

На Галагане черная роба, защитной каски он не признает. Глянeshь со стороны на его тщедушную фигурку, кажется – дунь, и Галаган полетит, планируя пышным рыжим чубом. Не верится, что он силен как черт. Но это не так. Когда нужно выпрямить согнувшийся уголок, Галаган орудует кувалдой с такой сноровкой, что опора содрогается до самой макушки.

Вот фундамент установлен, на него навешены ригели. Бригада, разобрав гаечные ключи, начинает «тянуть» детали крепления.

Антон придирчиво проверил работу:

- Порядок, ребята!

Взяв с собой Галагана, Антон направился на следующий пикет, расположенный на вершине куполообразного холма. В этом месте горы пересекали извилистая расщелина, соединяющая две долины, что раскинулись по обе стороны горного массива. По расщелине, прижавшись друг к другу, проходила железная и автомобильная дороги, несколько линий связи. Крепкий

орешек! Надо добиться разрешения полдюжины ведомств на право проведения работ, увязать во времени, подготовить так, тобы успеть тютелька в тютельку

По проекту в этом пролете предусматривалось установить четыре опоры – две из них прямо в расщелине.

А зачем ставить две нижние опоры? Такую мысль подал недавно Галаган. Воткнув одну на этом холме, а вторую - на противоположном, за расщелиной. И хорош! Конечно, получается огромный пролет. Конечно, монтировать его труднее- нужно в считанные часы раскатать и вытянуть провода, чтобы не задерживать железнодорожников, водителей, связистов Ну и что? Не впервой.

Предложение было заманчивым. Сэкономить две анкерные опоры, а значит и два-три дня Но Антон понимал: идти к проектировщиком с просьбой изменить проект лучше всего с готовыми расчетами. Теорию он знал. Но логарифмической линейкой здесь не обойдешься. Что, если попросить старого друга, бывшего однокурсника, ныне старшего инженера проектного института Игоря Немерада прокрутить все на ЭВМ?

Антон оглядел окрестность и заверил собеседника:

- В понедельник будет ответ.

Было начало седьмого, когда по гравию зашуршали шины. Под самыми окнами конторы остановился запыленный уазик. Из него вылез Твердохлеб – начальник соседнего участка. Удивительно быстро перемещая свое тяжелое тело, он заглянул в контору, и, увидел там Антона, удовлетворенно хмыкнул :

- Га! Ты тут, друже? Здорово!

Глаза у него бледно-голубые, словно бы выцветшие, мясистые щеки – в густой сетке красных прожилок, нижняя губа висит, нос, как говорится, не семерых рос. Тем не менее, манерой поведения он производил выгодное впечатление.

- Проходите, Олег Тимофеевич.

Тот зашел, сел в кресло, вытер лоб большим клетчатым платком.

- Послушай, что за территорию ты выбрал для участка? Хуже кладбища?

-Я не выбирал. Приехал на готовое

- А кто выбрал? Неужели Колобов?

- Шаров.

- Оно и похоже. А ты плюнь. Потерял бы несколько дней, да подыскал бы место получше. Народ бы тебе потом спасибо на это сказал. Ты видел мой участок?

- Видел.

- Во! Я договорился с райсом. Хоть и не сразу, а уломал. Зато поставил вагончик прямо в саду. Красота! Канал рядом. Тень, прохлада. А у тебя? Камень да щебенка. Да еще дорога под носом. Машины круглые сутки гудят!

- Поздно уже менять.

- Ну не скажи, - покачал головой Твердохлеб. - А перебираться не хочешь – все равно прими меры. У тебя же бочка на колесах есть – поливай свою щебенку хотя бы вечером. Семена какие-нибудь посади, пусть цветочки растут вдоль вагончиков. Если сам не найдешь, приезжай ко мне, я помогу.

- Олег Тимофеевич! – воскликнул Антон. – Какие цветочки?! У меня объект. ЛЭП-500!

- А у меня разве не объект? Не ЛЭП-500?

- Да я не о том. Просто времени не хватает на цветочки. И без того забот полон рот.

- Забот хватает, - согласился Твердохлеб. – Хозяйство большое. Тут надо за ним день и ночь присматривать. А ты вот у какой-то тети Веры ночуешь. А ночевать нужно на участке, вместо с народом. Вот так, друже.

- Вы меня критиковать приехали?

- Упаси боже! Я же по- дружески!
- Я, между прочим, отдаю участку все свое время.
- Тебе виднее. Может и так. А вот еще у тебя вагончик-баня. Почему ты не моешь народ?
- Так баню надо топить, за котлом следить, солярку подливать. Специального человека держать надо.

- Прими.

- Не положено.

- Знаю, что не положено. А ты все равно прими. За это тебя не повесят. Ну, поругают в крайнем случае. Зато народ тебе спасибо скажет. И работе веселее пойдет.

- Ближе к зиме, пожалуй, так и сделаем. А пока и в канале поплескаться можно.

Твердохлеб потер покрасневший лоб, поднялся, постоял немного и опять сел.

- Слушай, был у меня вчера Шаров. Предлагал отдать кусок трассы шабашникам. Я отказался. Смотри, как бы он тебе это шайку не всучил.

- Непременно учту ваш совет, - уклончиво ответил Антон.

Слова собеседника неприятно кольнули. Выходит, Шаров вначале предлагал «монтажного бога» Твердохлебу. Но тут пришла логичная мысль. Шаров, у которого натянутые отношения с Твердохлебом, вряд ли стал бы делать на того серьезную ставку. Видимо, решил «обкатать» идею, посмотреть, как ее воспримут монтажные зубры, потенциальные противники.

-Смотри, - с ударением повторил Твердохлеб. - Я тебя предупредил, друже. Как бы дров не наломать.

- А почему, собственно, вы против? Людей-то все равно не хватает.

- Не будут работать они у нас, не потянут.

- Поживем-увидим.

- Ну-ну, - Твердохлеб поднялся. – Бывай, друже.

Смерклось.

Вот-вот должны были возвратиться бригады.

Небо в стороне гор было уже черным, но над головой еще плыла синева. На границе дня и ночи выныривали из-под угасающих солнечных лучей желтые звезды – будто крохотные комочки отрывались от светила.

Антон думал о недавнем разговоре с Твердохлебом. Откуда этот тревожащий осадок?

Шаров считал, что Твердохлеб был когда-то силой, сейчас выдохся, мятый пар, не охватывает. Пора менять!

А Твердохлеб не собирался меняться. И его участок и сейчас считался одним из лучших.

Он конечно «еще крепкий старик Розенбом». Но семьдесят пять раз отмерь с одного конца, столько раз с другого, а затем режь – вот весь Твердохлеб. И эти методы он собирается навязать ему, Антону.

Стало совсем темно.

Дед Нестерко протопал в своих валенках к рубильнику, опустил рукоять. Вспыхнули два прожектора, высветили пространство перед вагончиками.

С шоссе послышался гул тяжелого грузовика. Вот грузовик подъехал к воротам, заморгал сигналами поворота, шурша шинами, въехал на гравий. Из кузова выпрыгивали монтажники, из кабины широко шагнул бригадир Бондаренко.

- Все нормально?

- Порядок! Пять опор переложили.

Сноп света ударил по вагончикам – на участок сворачивала вторая машина. Вот она встала рядом с первой. В освещенной кабине рыжий чуб Галагана казался золотым.

- Мы свое дело сделала, мастер. Завтра до обеда ставим четыре подножника и – по домам. А до понедельника надо решать. Или гнать бульдозеры через дальний мост, или рыть котлован внизу. Слово за тобой, мастер.

Антон дружески похлопал бригадира по плечу.

- Отдыхайте, ребята.

Третий грузовик, крытый зеленым брезентом, буквально влетел на площадку. Антон, стоявший в темноте, узнал Бурлакова. Сделал было шаг в его сторону, но передумал. Судя по всему, дела в бригаде шли нормально.

Что-то долгонько нет бригады Мансурова. Антон закурил и, заложи руки за спину, медленно пошел к воротам. Где же Мансуров?

Антон встречал машины каждый вечер. Наверное, никто не догадывался, сколько нервов он выматывал себе, если какая-либо бригада запаздывала с трассы.

Он вышел на перекресток, пристально вглядываясь в темноту. Мрак стоял непроглядный. Горы слились с черным небом. Шоссе было пустынным. Антон вернулся к вагончикам, заглянул в столовую, еще раз поинтересовался, оставили ли ужин для мансуровских, опять вышел на перекресток.. Ни звука, ни огонечка.

Где же Мансуров?

Нервы, нервы, принялся успокаивать он себя. И тут же досадливо хмурился. Произойди какая-нибудь нелепость, прихоть судьбы – и конец всем его надеждам. И никакой «монтажный бог» не поможет.

Посмотрел на часы: половина десятого. Если через двадцать минут Мансуров не появится, надо отправиться на поиски.

Он опять закурил. И тут скорее почувствовал, чем увидел, вдали у самого подножья слабый огонёчек. Тот мелькнул и пропал. Антон решил было, что все это ему померещилось, но вот огонёк проблеснул снова, делаясь ярче каждой минутой.

Наконец, послышалось слабое гудение, будто растворенное в бесконечной темноте.

- Мансуров!- с облегчением выдохнул Антон.

Машина въехала на участок. Опять захрустел гравий под сапогами и тяжелыми ботинками. Антон подошел к бригадиру:

- Почему так поздно, Рауф?

Тот помолчал немного и ответил с горной улыбкой:

- Опыру собирали.

И хотя он пытался произнести эту фразу небрежно, но дрогнувший голос выдал его взволнованность.

- Третью?

- Четвертую - Райф расцвел, не в силах сдерживая радость.

Антон порывисто обнял его:

- Четыре опоры за день? Дело! Молодец, Рауф! Спасибо, ребята!

К десяти часам все бригады и мастера, как обычно, собрались на ежевечернюю планерку.

Сегодня Антон был чрезвычайно краток. Он посмотрел на уставших, сонных бригадиров, что сидели в креслах, развалившись, и клевали носами, встал и сказал:

- Что ж, друзья Поработали на этой десятидневке неплохо. Спасибо вам и вашим людям. Завтра после обеда – по домам. Желаю всем хорошо отдохнуть, набраться сил, чтобы и следующую десятидневку поработать не хуже.

Он говорил и чувствовал, что его казенные, суховатые слова радуют людей. Завтра – домой!

Глава 4 Любимая женщина Антона Валерьяновича Филимонова

Отгулы! Отгулы!

Празднично и шумно было в три часа дня в вагончике Галагана, как, впрочем и во всем других вагончиках.

Извлекались на свет чемоданчики, портфели, сумки, рюкзаки, пролежавшие без нужды всю декаду. Домой надо прибыть при полном порядке.

Обычно бригада Галаган выезжала с участка на полчаса раньше других – и все благодаря стараниям Ходжиакбара.

Но сегодня Ходжиакбар медлил, а на нетерпеливые расспросы отвечал односложно:

- Пассажира ждем.
- Какого еще пассажира?
- Сейчас увидите.

Из своего вагончика в синем брючном костюме вышла Тамара и, осторожно прошагав по гравию, чтобы не оцарапать туфли на высокой платформе, забралась в кабину его ЗИЛка. Первый визит в столицу республики. Ходжиакбар тут же завел мотор.

Вот почти разом хлопнули двери вагончиков. Ключи в замочных скважинах повернулись до упора.

Появился дядя Нестерко в своей заячьей шапке и валенках, с бездонной черной сумкой в руках.

Машины разом выбрались на дорогу, докатили до перекрестка и, словно удивляясь, что не нужно ехать в горы, повернули в сторону города.

Антон стоял на открытой террасе аэровокзала. Иногда он возвращался в Ташкент самолетом. Сорок минут вместо пяти часов на машине. Есть определенный резон, хотя и накладно.

Над горами, прямо над двугорбой вершиной, проблеснула серебристая точка. Она росла на глазах, обретала формы, искрилась на солнце. На посадку шел московский ТУ. Еще минута – и маленький аэропорт наполнился грохотом. Самолет умчался в конец бетонной полосы, развернулся и, пригибая книзу аэродромную траву, покатил к вокзалу. Вот он вырулил на стоянку, турбины еще раз ухнули и разом замолкли. Подали трап.

Вереница нарядных пассажиров высыпали на перрон. У прилетевших были беззаботные, веселые лица.

Наконец, объявили посадку на ЯК-40.

Уже в Ташкенте, в аэропорту, Антон разыскал свободный телефон-автомат, набрал знакомый голос:

- Алло! Позовите, пожалуйста Марину
 - Здравствуй - голос потеплел. Как будто прохладная маленькая рука мягко коснулась лба. – Ты когда приехал?
 - Только что.
 - Откуда звонишь?
 - Из аэропорта. Я тебя целую, - прошептал он, хотя рядом никого не было. Чуть громче спросил:
 - Как мама, бабушка?
 - Хорошо.
- Марина...
- Кто бы мог подумать, что так легко завязавшийся роман растянется на несколько лет?

С Мариной они познакомились за несколько дней до нового года на вечере в ресторане, куда Антона пригласил его бывший однокурсник Игорь Пак.

Антон сразу приметил большеглазую тонкую девушку. Ее черное платье подчеркивало белизну кожи. Антон поймал ее взгляд и улыбнулся. Она ответила улыбкой. Он пригласил ее танцевать, а после вечера пошел провожать.

Они шли по ночному Ташкенту – зима в том году выдалась на удивление теплой- и болтали о пустяках.

- Разве это новый год? – говорила она, оглядывая звездное небо. – Хотя бы несколько снежинок упало.

- Погодите, до нового года есть еще время.

- Вряд ли погода измениться.

- А хотите на спор? – предложил он. – Держу пари, что в ночь под новый год пойдет снег. Да еще какой! Крупные хлопья – в полкило, никак не меньше.

«И я тебе тогда впендюрю, попробуй только отвертеться» - мелькнула коварная мыслишка в мозгу мастера Антуана.

- А проиграть не боитесь?

- Я никогда не проигрываю! («Ты у меня отсосешь» - засуетился мастер Антуан). Но имейте в виду – снег пойдет только при одном условии?

- Каком же?

- Если Вы согласитесь встретить новый год со мной. («И не оденешь трусики под платье»).

- А елка будет? – беспечно рассмеялась она.

- Еще бы! («и я могучая палка, отправляющая женщин в оргазмический полет»)

- Ну если вы гарантируете и елку, и снег – я согласна.

31 декабря утро выдалось ясным, но после обеда вдруг начало холодать, и вскоре с неба густо повалил снег.

Она пришла, празднично одетая, в глазах – восторг. Слегка смутилась, увидев, что она в квартире вдвоем. («Попалась, курица.») Это вышло неумышленно – Игорь и еще два-три приятеля по разным причинам не смогла прийти – божился Антон. Врал, разумеется.

- Больше никого нет?

- Почему никого? А елка? – он указал на небольшую, пышно украшенную искусственную елку, очень довольный своей хитростью и остроумным ответом, достойных великому и хитроумного Бирбала. Елка стояла на телевизоре «Tauras - 204»

- Как видите, я свое обещанное выполнил! («Раздвигай ноги!»)

Через пятнадцать минут, около тумбы с телевизором и елкой он овладел Мариной.

Трусики под платьем у нее не было. Прозрачные, телесного цвета таинственный предмет женского туалета лежал в ее сумочке.

Они встречались уже третий год. Он привык к ней. Хотелось уюта, постоянства, определенности.

Нынешней весной Марина сказала, что хочет ребенка.

- Ты не думай, что он обременит тебя. Я сама его воспитаю.

- Нет, - решительно ответил Антон. – Мы еще недостаточно состарились, чтобы заводить детей, - он попытался перевести разговор в шутку.

Марина промолчала.

Лишь через какое-то время Антон сообразил, что Марина хочет ребенка, но она не уточнила «от него».

Он задумался. Но ни к каким определенным выводам Антон так и не пришел.

От Марины Антон позвонил в контору Игорю Немерадю. Утомленная ласками Марина лежала рядом на животе, слегка раздвинула ноги.

- Антон, ты ? Прекрасно в выходные намечается грандиозная поездка в горы. Присоединяйся с Мариной.

- В горы? Я только с гор прибыл.

- Дьяволо! А я забыл, что ты у нас стал горцем.

Марина подняла голову, подвинулась ближе к Антону. Ее губы коснулись эээ отдадим это на фантазию читателей.

- Игорь. У меня к тебе дело. Хочу задать тебе задачку. Прокрутишь на ЭВМ?

- Что за задача?

- Хотим сэкономить пару опор на некоем хитромудром переходе. Надо прикинуть, что будет с габаритами. Приеду- объясню подробнее.

От решения важных государственных проблем и проблем своего карьерного роста у Антона не вставал. Несмотря на старания влажных губ Марины. С кем не бывает

Через два часа Антон поехал к Игорю. Пообещав вечером с Мариной куда-нибудь сходить.

Глава 5 Через тернии к ...звездам?

Ровно в одиннадцать Антон был в мехколонне.

Он пересек просторный, но уютный двор, поднялся на второй этаж аккуратного здания конторы. Так! Прежде всего надо зайти в ПТО, взять чертеж этого каверзного перехода.

В отделе склонились над бумаги Лера и Тая – две мехколонновские грации.

- Здравствуйте, девоньки! – приветствовал он дам. – Как жизнь?

- Привет, Антон! С приездом, - улыбнулась Тая, полная смешливая блондинка.

- А! Антон Валерьянович? Когда же вы, наконец, научите ваших мастеров правильно оформлять наряды?! – демонстрируя возмущение, воскликнула Лера.

- Они надеются, в основном, на ваши советы, - усмехнулся Антон. Когда он получил повышение на следующий же день, улучшив минуту, Лера подошла к нему с просьбой выписать ей со склада участка (то есть, подарить) тепловентилятор, довольно прозрачно намекнув при этом на свою весьма вероятную благосклонность. Антон отказал ей и в вентиляторе, и в любви. В итоге, в глазах Леры он выглядел больным жлобом, звала его она подчеркнуто официально, а появление новоиспеченного начальника участка в конторе обычно встречала громкими презрительными возгласами.

Во всем здании стояла тишина. Начало месяца. То ли будет через две-три недели, когда со всех участков съедутся мастера и прорабы. Бригадиры начнут что-то доказывать начальникам участков, те, в свою очередь, начальникам отделов, все два этажа наполнятся хлопанием дверей, гомонов, шумом и суетой. Закрытие нарядов! Процесс, живо интересовавший всех его участников во все времена.

Тишина.

Вот послышались чьи-то уверенные шаги. Из приемной вышел Шаров, свежий, бодрый, готовый к любому повороту событий.

- А! Прибыл! – подойдя, он крепко, до хруста пожал Антону руку.- Как отдохнул?

- Нормально.

- Тогда пошли. Сидит у меня.

- Монтажный бог? – усмехнулся Антон, н уже без прежней иронии.

- Он самый, голубчик.

« Монтажный бог» невозмутимо сидел на стуле, закинув ногу на ногу. Меньше всего, по мнению Антона, он монтажника. С одинаковым успехом он тянул и на 30, и на 40. Короткие его волосы казались седыми и, только приглядевшись, можно было заметить, что это его естественный цвет, весьма редко встречающийся. На бригадире были дымчатые очки в темной роговой оправе. Лицо длинное, узкое, с энергичным волевым подбородком и тонкими губами. Антон, сразу же обратил внимание на его пальцы – длинные, холеные, без царапин и ссадин.

Одет бригадир был с иголки: модная сорочка в широкую полоску, хорошо отутюженные брюки, дорогие кожаные туфли.

Он встал, при этом оказалось, что росту в нем не менее 190 сантиметров, как и в Антоне. Стройная фигура бригадира оставляла все же странное впечатление: словно того малость подержали под прессом и получились широкие плечи и сплюснутая грудь.

Он протянул Антону тонкую в запястье, но крепкую руку.

Шаров тут же представил друг другу.

- Антон Валерьянович Филимонов. Турдыкин Вильям Платонович.

- Зовите меня – Витя. Просто Витя. По имени – как все мои ребята, - проговорил Турдыкин. Голос у него был тихий, чуть глуховатый, с претензией на проникновенность.

Некоторое время он пристально разглядывал Антона. Этого не могли скрыть даже затемненные очки.

- Си своей стороны я не могу настаивать на том же, - ответил Антон.

- Разумеется, - одобрительно улыбнулся Турдыкин. - Вы руководитель подразделения. Надо соблюдать субординацию.

- Ладно! - Шаров рубанул воздух ладонью. - Потом договоритесь, как кого называть. А сейчас - о деле.

Он развязал тесемки пухлой папки, вынул из нее многократно сложенный лист и принялся его разворачивать. А сейчас - о деле.

Он развязал тесемки пухлой папки, вынул из нее многократно сложенный лист и принялся его разворачивать. Чертеж, однако, настолько велик, что не помещался на столе. Пришлось подставить пару стульев.

- Так! - Шаров провел пальцами по жирной ломаной линии, нанесенной на лист. - Это и есть трасса. ЛЭП строят три наших участка. Хозяйство Антона Валерьяновича вот здесь, - он резко отчертил значительную часть линии. - Свыше 200 опор, 80 километров - и все по предгорью. Ясно? - Турдыкин кивнул. - Половина участка уже освоена, - продолжал Шаров. - Здесь у Антона Валерьяновича трудятся четыре бригады. Вторая половина практически не тронута. Работать здесь можно от нуля и до полного завершения. Вот то, что мы можем вам предложить.

Турдыки снисходительно посмотрел на план трассы, скептически сжав тонкие губы. Помолчал. Затем ответил спокойно, но безапелляционно:

- Нам этого мало.

- Сколько же вы хотите? Я хочу спросить, сколько вы могли бы осилить?

- Все, - с той же спокойной решительностью произнес Турдыкин.

- Весь участок?

- Всю трассу.

Шаров - а его трудно было удивить - только присвистнул.

Антон спросил недоверчиво:

- Сколько же человек в вашей бригаде?

- Сейчас двенадцать.

- Вам приходилось когда-нибудь работать на высоковольтных трассах?

- Нет.

- А можно узнать, чем сейчас занимается ваша бригада?

- Сейчас мы строим в одном колхозе коровник.

- И вы с такой смелостью беретесь за незнакомое дело?! - вскинул брови Антон. Его энтузиазм быстро шел на убыль. Не получится, понял он. А жаль! Повернулся к Шарову.

- Лев Кириллович! Несерьезно, ей-богу! Только теряем время, - и, не сдерживаясь, добавил язвительно: - Если я не ошибаюсь, проект трассы не предусматривает сооружения коровника.

- Ты погоди, погоди, - поднял тот руку. - Витя сейчас все объяснит. У него есть своя система.

Турдыкин снял очки, протер вынутым из кармана носовым платком. Глаза у него были маленькие, какие-то бесцветные, зато веки и надбровные дуги рельефные, как у античных героев.

- Да, у меня, вернее, у нас - своя система, - пояснил он все тем же ровным тоном. - Бригада наша - кадрированная. Знаете, есть у военных такой термин - кадрированная часть. Вот и у меня кадрированная бригада. Круглым счетом - 60 человек. Все они живут дома - в разных городах, занимаются хозяйством. Но как только подворачивается интересное дело, я даю телеграмму и нужный человек приезжает через сутки по адресу, который я ему укажу, в любой конец страны. Среди этих шестидесяти - люди различных профессий. Я могу комплектовать

из них коллектив любого профиля. Притом учтите – многие владеют несколькими профессиями. Таким образом, с количественной стороны вопроса ясность полная, не так ли?

- Словом, у вас своя маленькая фирма?

Турдыкин скупой улыбнулся:

- Конечно же нет. Работаем мы по договорам, в строгом соответствии с утвержденными проектами и сметами, строим быстро и качественно. Одним словом, работаем так же, на благо общества, в интересах государства. Что же касается моего главенствующего положения в бригаде – то я просто первый среди равных. Старший брат, если угодно. Ребята меня уважают, - он показал свои ладони: - Как видите, физически я не работаю. Бригада поручает мне, в основном, организационные и снабженческие функции. Это у меня получается.

- Все это звучит убедительно, - ответил Антон. – Но монтаж высоковольтных линий отличается от строительства коровника.

- Простите, но в вас говорит профессиональная ревность, - улыбнулся Турдыкин. – Плохой бульдозерист всегда сработает хуже, чем хороший землекоп. Я мог бы вам сказать, что мы построили десяток ЛЭП и вы поверили бы. Но я не хочу с первого же дня разрушать доверительные отношения между нами. В вашем ПТО мне рассказали о работах, которые вы ведете. Лично меня они пугают. Та же установка бетона, та же сборка металлоконструкций, что и на строительстве коровника. Ну а натяжка провода – тут мы найдем специалистов, ручаюсь. Кстати, пять-шесть ребят работали на ЛЭП. - Он развел руками. – Я не вижу причин для сомнений. Кроме того, мы не собираемся полностью копировать вашу технологию. В ПТО я узнал, что для установки одной опоры традиционным способом необходимо три механизма. А ели ставить опоры краном КАТО? Просто, удобно и быстро.

- Но у нас нет КАТО - воскликнул Антон. – Таких кранов во всем городе – раз-два и обчелся.

- Это уж моя забота, - сделал успокаивающий жест Турдыкин.

Шаров только посмеивался и подмигнул Антону, мол, не сомневайся, все будет в полном порядке.

Антон повернулся к бригадиру:

- Мы посмотрели трассу на плане, а теперь вам нужно увидеть ее в натуре.

- Я готов. В начале следующей недели буду у вас. А там – если ваши условия окажутся приемлемыми – вызываю ребят.

- Да! Да! – Шаров стремительно включился в беседу. – Во вторник! Он будет вас ждать. Антон Валерьянович! С понедельника ставь экскаватор, рой котлован, готовь фронт работ! – И Турдыкину: - Вернетесь, обговорим с вами финансовые вопросы – и за работу! Надеюсь, до нового года справитесь?

- Зачем до нового года? В конце ноября сдадим все работы с оценкой «отлично» и – по домам. – Он слегка склонил голову и вышел – уверенный, знающий себе цену.

Антон ощутил легкое, приятное головокружение. План трассы, лежащий на столе, обрел рельефность. Все 80 километров линии ожили, наполнились напряженным рабочим ритмом. С невероятной быстротой поднимались к небу серебристые опоры. Круша все рекорды, вытягивались пролеты сталеалюминиевого провода. Готовая трасса, опережая расчетное время, побежала по горным отрогам. Противники наголову разбиты, нейтральные безоговорочно приняли его сторону. Полный триумф!

Шаров крепко сжал его плечо и рассмеялся:

- Гефест-монтажник!

- А если все это окажется мифом? – будто очнувшись, спросил Антон.

- Давай прикинем и такой вариант, - с охотой кивнул Шаров. – Пусть этот Витя выполнит десятую часть обещанного. Даже двадцатую! Все равно получится солидный объем. А представляешь, если он не трепался. А? Согласен?

- Пожалуй

Шаров решительно поднялся:

- Но нам надо выдержать еще один бой. Так сказать , с внутренней оппозицией. Голубицын, Твердохлеб и прочие. Прямо сейчас и ломаем оппортунистов. Надо ковать, пока горячо.
– Он глянул на часы: - Через десять минут состоится планерка по твоему участку. На ней и поставим вопрос. Готовься!

Глава 6 Рубикон

Планерку вел начальник мехколонны Тимур Рустамович Нуритдинов – по своему испытанному методу

Обычно он давал возможность высказаться всем присутствующим, а затем – если страсти разгорались – предлагал свой вариант, который в конечном счете и оказывался лучшим. Говорил он всегда спокойно, не повышая голоса даже в критических ситуациях, и это неизменно создавало деловой настрой. Словом, репутация у начальника ПМК была солидная, несмотря на то, что он был сравнительно молод – всего на пять лет старше Антона.

Сегодняшняя планерка проходила спокойно. Антон рассказал об итогах работы за последнюю декаду, толково ответил на вопросы начальников отделов и служб. С этим контингентом у него были, в основном, хорошие отношения. Исключение составлял начальник отдела снабжения Глеб Трофимович Голубицын. Собственно, еще недавно Антон и к Голубицыну относился с симпатией. Сколько километров исходили они вместе по предгорьям нынешней зимой, когда началась вывозка конструкций на трассу! Но вскоре Шаров как бы невзначай обмолвился Антону, что дескать, Голубицын в свое время встретил в штыки предложение о выдвижении его, Антона Филимонова, на должность начальника участка. Антон в ответ лишь пожал плечами, но после этого известия незаметно для себя стал иными глазами смотреть на Голубицына – пожилого крепкого мужчину с грубоватым, будто впопыхах вытесанным неулыбчивым лицом. К тому же Антон не раз замечал, что Голубицын доверительно перешептывался о чем-то с Бондаренко и Бурлаковым. Стоило подойти ближе, как они замолкали. А после двух-трех мелких стычек с Голубицыным по поводу путаницы при вывозе опор и фундаментов на пикеты, которая была почти неизбежна на первых порах, Антон убедил себя, что начальник отдела снабжения – по меньшей мере его тайный недоброжелатель.

А раз так – значит, никаких поблажек Голубицыну.

Вот и сейчас Антон твердым голосом перечислил последние промахи снабженцев, хотя и знал, что дело можно было бы решить, не прибегая к вмешательству руководства мехколонны – попросту переговорить с Голубицыным. Не без удовлетворения он смотрел, как тот быстро черкает в блокноте.

- Глеб Трофимыч, учтите высказанные претензии и ликвидируйте немедленно, - спокойно резюмировал Нуритдинов.

Тот хмуро кивнул.

- Что еще?

- Разрешите! – подал голос Шаров. – Антон Валерьянович обратился с интересным предложением. Давайте выслушаем его и сообща примем решение, - он кивнул Антону.

Тот несколько растерялся. Он понял, что Шаров имел в виду Турдыкина, но как-то не предполагал, что главный инженер представит ему, Антону, всю инициативу. А впрочем, какая разница, кто конкретно выступит с предложением?

Антон в спокойной и доброжелательной манере спокойно изложил дела. По реакции догадался, что для собравшихся – это новость.

- Что ж, обменяемся мнениями, - кивнул Нуритдинов. – Кто первый?

- Я! - стремительно вклинился в паузу Шаров. - Предложение очень дельное. Все мы знаем, какое значение придается своевременному вводу в эксплуатацию ЛЭП-500. Объект под контролем высоких органов. Срыв намеченных сроков исключается. И наш долг - предпринять все возможное, чтобы с честью завершить строительство. Резервов же, как вы знаете, у нас практически не осталось. Скажу откровенно : в глубине души я опасаюсь, что в ноябре придется обращаться за помощью в главк. Особенно трудно с верхолазами. А тут нам в руки плывет целая бригада.

- Так. Кто еще?

Участники планерки переглянулись.

- Антон Валерьянович, а вы видели эту бригаду в деле? – прищурившись, спросил Голубицын.

- Н-нет, - признался Антон.

- Почему же тогда вы уверены в ее мастерстве? Подумайте: высококласная бригада в разгар лета – когда кругом дел неувпроворот – ищет работу! Чем же они занимались раньше? Чуть какая-то!

Филимонов растерялся, потупился, не зная, что ответить на этот логичный вопрос.

Но Шаров не растерялся:

- Дело в том, уважаемый Глеб Трофимович, что бригада Турдыкина недавно закончила сложный объект, пуск которого по графику должен был состояться в декабре. Пять месяцев экономии! – он растопырил пальцы. - Я лично видел акт ввода.

« Пошто он мне раньше не сказал! – озлобленно подумал Антон.

Шаров выждал паузу, показывая всем своим видом, что изложил далеко не все аргументы.

- Нас призывают смелее идти на оправданный риск, выдвигать перспективные кадры, - проговорил он. – Вы, Глеб Трофимович, как парторг, должны хорошо это знать. А вы излишне осторожничаете. Да, излишне! Вы были против назначения Филимонова начальником участка. А он работает! Да еще первое место держит. Теперь вы против Турдыкина. Увидите – он тоже докажет.

- У вас все? – не без усмешки поинтересовался Голубицын.

- Пока да.

- Тогда скажу я. Да, партия призывает смелее выдвигать молодые кадры. Но не просто молодые, а еще и наиболее подготовленные. Я уважаю деловые качества Филимонова, но в свое время откровенно высказал мнение, что ему рановато командовать участком. Надо бы еще набраться опыта. Главным образом – общения с людьми. Сейчас незачем ворошить старое. Сейчас нам всем надо помогать Филимонову, а не втягивать его в авантюру. Да, в авантюру!

Последние слова Голубицына Антон выслушал с возмущением. Да как он смеет, это..старикашка! Как будто перед ним мальчишка, зеленый юнец или бездарный выскочка!

- Мы все должны помогать дру другу, поскольку делаем одно дело, - миролюбиво произнес Шаров, почуявший, что мнение большинства складывается в его пользу. –Я вам так скажу, дорогие друзья! Чем мы рискуем? Ну? – Он обвел взглядом лицо собратьев по разуму.- Бригада Турдыкина будет работать под личным контролем Антона Валерьяновича. Чуть что не так – расстанемся как в море корабли. Я имею в виду бригаду. Но, надеюсь, до этого не дойдет. – Он улыбнулся. - Уверен, Турдыкин придаст дополнительный импульс здоровому духу соперничества. Ручаюсь!

- Смелое заявление, - покачал головой Голубицын.

- Так. Кто еще?

Несколько человек с оговорками, поддержали Шарова.

Нуритдинов подвел черту.

- Вы, Лев Кириллович, как куратор по ЛЭП-500, очевидно, все продумали и хорошо все взвесили заранее. Учитывая ваше ручательство, бригаду Турдыкина принимаем. На общих основаниях.

После планерки Антон еще раз зашел к Шарову.

- Лев Кириллович, а все-таки, какой сложный объект Турдыкин построил досочно?

Шаров весело улыбнулся:

- Да тот самый коровник!

Глава 7 О, женщины!

В это кафе они заглядывали практически каждый приезд Антона. Здесь было уютно, обслуживали быстро, играла музыка. Зеленоватые светильники создали приятный полумрак.

- Ты мне хотела сказать утром что-то важное,- напомнил Антон.

- Да

- Я слушаю.

- Устрой меня к себе на работу. Я серьезно. Ну, должна же быть у тебя на участке кладовища, учетчица.

- Нет.

- Почему?

- От этого не будет лучше ни тебе, ни мне.

- А так разве лучше?

- Что случилось? Раньше ты не жаловалась.

- Ничего. Просто вспомнила, что мне, увы, далеко не восемнадцать. А сколько раз мы с тобой видимся? Ты считал когда-нибудь?

- Я тебя понимаю. Отлично понимаю. Но пойми, передо мной сейчас масса производственных проблем. Я должен это решить, утвердиться. Тем более у меня появился отличный козырь. Мне надо сдать трассу. А потом мы с тобой все подробно обсудим, как нам встречаться чаще!

Антон посмотрел на Марину. Неимоверная жалость охватило вдруг его.

- Марина. Не будем усложнять. Мне не найти никого лучше тебя. Мы уже не сумеем друг без друга. Надо еще потерпеть! Это единственное, о чем я прошу.

- Да, тебе надо утвердиться. И я хочу тебе в этом помочь.

- Каким образом?

- Быть рядом.

- Этот не тот случай.

Она густо покраснела.

- Ты не сказал бы так, если бы, если бы

Она не закончила и закрыла лицо ладонями.

Он насильно взял ее руку, поцеловала запястье.

- Ты ошибаешься. Скоро поймешь сама.

Что же происходит у них с Мариной в последнее время, размышлял Антон. Откуда это тревожное беспокойство, которое все более властно вторгается в думы?

Наверное, все началось с того дня, когда она заговорила о ребенке. Антон вовсе не был противником семейной жизни. Отчего же ее предложение мгновенно вызвало негативную реакцию? Не в том ли причина, что в глубине души он хотел ребенка от Марины? Но почему, почему?

Чем дальше он размышлял об этом, тем с большей определенностью приходил к невеселым выводам.

Если говорить начистоту, все, что связывало его с Мариной, - это привычка или жалость. За три года он действительно крепко привык к той заботе, которой она его окружила, к ее постоянной готовности выслушать, посочувствовать, отдать свое тело на его ночные ненасытные терзания. К ее переживаниям Антону отвлекаться не было. И сейчас, вероятно, не отвлекся бы, не заговори Марина о ребенке. (Пока еще она « Фарматексом» пользовалась).

Несмотря на некоторую неопределенность планов на будущее, Антон уже давно стал своим в Маринойной семье. Марина жила с матерью – Надеждой Александровной и бабушкой - Галиной Спиридоновной. Этаким сугубо женский коллектив, где каждый трогательно забо-

тился о других, где царили мир и согласие, где никогда не повышали голоса. Воскликни Антон при них « черт возьми!», так они бы покраснели бы от смущения.

Однажды, когда Антон был на трассе, в квартире потек на кухне кран совсем прохудился, нужно срочно ставить новый. Правда, в жэке новых кранов сейчас нет, но у него дома, кажется, новых кранов сейчас нет, но у него дома, кажется, один случайно имеется. Он ушел и вернуть через час якобы с новым имеется. Якобы, потому что женщины по характерной царапине узнали свой старый кран, который сметливый сантехник попросту начистил до блеска. Тем не менее женщины и не заикнулись о своем догадке, втридорога заплатив лихоимцу. Антон, узнал позднее о происшествии, не столько возмущился наглостью сантехника (старый трюк!), сколько поведением женщин, которые, мотивируя своей порядочностью, не сочли нужным дать отпор хамству, Антон не понимал и не принимал такую позицию.

Постепенно он проникся убеждением, что эти три женщины как бы договорились в некоем придуманном, отрешенном от реальной жизни мирке, куда не доносились отголоски житейских бурь, а столкнувшись с грубостью и фальшью, попросту делают вид, что ничего не замечают.

Уже потом его раздражение по этому поводу уступило место жалости. В конце концов, они не могут противостоять хамству. Они- слабые женщины, нуждающиеся в защитнике. Более того, они видят защитника в нем, Антоне.

Характер Марины логически проистекает из духа, царящего в этом женском доме. Она была спокойной, неторопливой, представлялось немыслимым, что она вступит в спор. Случалось, хотя редко, Антон вдруг вспылит, тогда она попросту замолкала, охваченная тихой грустью. Она могла всплакнуть в кино, над книгой, чем несказанно удивляла Антона.

Отношения были спокойные, плавные, без вспышек страсти со стороны Марины. Зверь, который просыпался в Антоне, после долгих мужских постов в степи и горах, она воспринимала с мягкой улыбкой, покорностью и стыдливостью. Даже в самые счастливые минуты.

Но постепенно Антон начал понимать, что Марина умеет настоять на своем. Причем делает это так ненавязчиво, что Антон только потом осознает, что поступил, как хотела Марина, хоть поначалу казалось, что он поступил по собственному разумению.

И когда она заговорила о ребенке, он встревожился еще и потому, что накануне открыл в ней скрытую настойчивость. Теперь он знал, что она не оставит эту мысль, будет возвращаться к ней и, кто знает, может пойти на решительный шаг втайне от него, потом поставит перед фактом, и он, глядя в ее глаза, полные слез, начнет верить, что сам так хотел, что так лучше.

А сегодня, когда в кафе она заговорила о том, чтобы он взял ее к себе на работу, прибавились новые поводы для тревоги. Он упорно пытается привязать к себе покрепче. Вот что!

Да, но почему все-таки он против?

И тут у Антона мелькнула мысль, которая по первому впечатлению показалось крамольной: он охладил к Марине, в этом-то все дело.

Он начал осторожно развивать эту мысль. Чем же все может закончиться? Неужели разрыв?

Среди знакомых Антона было немало счастливых семей, но он знал и несколько разведенных пар. Из числа этих последних и та, и другая сторона в свое время были морально готовы к разводу, все обошлось без трагедий.

Но чем может обернуться разрыв для Марины?

Лучше не думать, не терзать себя. По крайней мере, сейчас, когда столько дел на работе. А после как-нибудь разберемся.

Да и прав ли он? Ведь факт, что он скучает по Марине, особенно в конце десятидневки, рад встрече.

Может, все его тревоги – плод воображения? От усталости?

Докурив сигарету на лоджии, еще раз подставив плечи легким порывам долгожданного ночного ветерка, выбросил окурочек и вернулся в комнату, где спала Марина. Спала она обычно в ночной рубашке

Ночь.

Угомонились мальчишки, что галдели весь вечер под окнами, умолкли телевизоры и магнитофоны в соседних квартирах.

Тишина.

Лишь слышно, как тикают часы на серванте, да шуршит листья, когда налетают порывы теплого ветерка.

В маленькой отдельной спальне лежат рядом Галаган и его жена Оксана – крупная сорокапятилетняя женщина. Она утомлена любовной лаской.

- Богдан, а, Богдан? – шепчет жена.

- Чего?

- Ты не спишь?

- Засыпаю.

- Богдан, я тебя спросить хотела. Нам в жэк слесарь нужен. Может, сходишь завтра, поговоришь?

- Слесарем? Мне? На тариф садиться?

- А ничего. Тариф – тарифом, а тебя еще люди благодарить будут. Там кран починить, там замок врезать.

- Левые трешки шибать? Мне?! – Галаган сел на кровать. – И как у тебя язык повернулся?!

- Ну хорошо. Не надо слесарем. На завод можно или на стройку. По всему городу объявления расклеены.

- Да на кой ляд мне эти объявления? Я же при деле.

- При деле? Это ты при деле? А я? А дети? Видим мы тебя редко. Где ты там, с кем – откуда я знаю.

- Слушай, Оксана! Ей-богу! Ну, были бы мы с тобой молодые, тогда еще понятно. Не первый год езжу. Привыкнуть должна.

- Я может, только и жду того дня, когда ты с семьей будешь каждый вечер. Соседке нашей завидую. Она со своим мужиком скандалит каждый вечер, а я, знаешь, завидую.

- Нашла чему завидовать!

- И дети подрастают. Выше тебя вымахали. Трудно мне с ними одной. Отца почти не видят. Далеко ли тут до беды?

- За детей я спокоен. Пацаны и дочка у нас замечательные. Ладно. Вот сдадим пятисотку, видно будут.

- А после пятисотки у тебя какая-нибудь шестисотка появится.

- Шестисоток не бывает. После 500 сразу 750 киловольт. Вот так то!

Рубиновые угли вспыхнули в пустых глазницах скелета.

Тамара взвизгнула от страха и восторга и, вобрав голову, прижалась к Ходжиакбару. Вагончик круто развернулся в последний раз и выкатили из «пещеры ужасов». Вагончик круто развернулся в последний раз и выкатил из «пещеры ужасов» на солнечный свет. Ходжиакбар выпрыгнул на дощатый настил, галантно подал Тамаре руку.

- Пойдем покатаемся на электромобильчиках! А? – щебетала она и вприпрыжку побежала к новому аттракциону.

Шайхов уныло двинул следом, стараясь не отставать

Вот уже час развлекались в Луна-парке.

Вообще-то он предполагал, что свидание пройдет несколько иначе. С утра он нагладили, начистился, побрился, не жалея одеколона «Красная Москва», словом, привел себя в боевой и парадный вид. В кармане позвякивал ключ от приятельской квартиры на Высоковольном, около парка Котика.

С Тамарой встретились в полдень.

У Ходжиакбара было все продумано. Они немного погуляют, затем он угостит ее мороженым и шампанским, после пригласит к приятелю в «гости», а там – впендюрит, ну или попробует впендюрить. В квартире он на всякий случай спрятал пару бутылок «Токайского».

Но представительница древнего народа ягнобцев первой же фразой разрушила его схему.

- Давай покатаемся на троллейбусе! А? Я никогда не в жизни не ездила на троллейбусе.

Подъехал троллейбус 18, она влетела в него, села у окна. Все в ней ликовало, пело, радовалось жизни.

За окном проплыла афишная тумба.

Тамара взвизгнула так, что пассажиры обернулись, одна пожилая добродетельная женщина укоризненно покачала головой. Господи, Бог ты мой!

- Ты чего? Растерянно спросил Хэм (так Ходжиакбара прозвал его приятель Сашка Колокольчик, большой поклонник Хэмингуэя)

- Луна-парк! Пойдем в Луна-парк!

- Если ты хочешь – ответил Хэм. Действительно, а почему бы нет? В парке явно есть кафе, у нее явно будет хорошее настроение!

Та радость, которую она выказала, бросаясь в распахнутые двери троллейбуса, были пустяком, по сравнению с восторгом, охватившим ее, когда из-за густых крон деревьев, показались аттракционы Луна-парка в парке Тельмана.

Она заливисто хохотала, когда вагончики, грохоча, летели вниз с «американских» горок, визжала когда раскрутилась карусель, и лодки, подвешенные на длинных цепях, резко отклонились от вертикали, хлопала в ладоши и подпрыгивала на сидении, когда сталкивались электро-мобили, она была готова сесть даже в вагон крошечного поезда, который возил только малышей.

Хэм терпели ждал, когда ей наскучит и захочется поесть и выпить. Но она не уставала.

- Посидим на лодочке, отдохнем, а?

Наконец-то!

- Зачем на лавочке? – сразу же оживился он. – У меня друг рядом живет. Давай заглянем к нему на минуту? Водички минеральной попьем, интересный фильм посмотрим. По видеоманитофону.

- Видеоманитофон? Правда?

- А ты думала!

У входа в парк Хэм поймал такси. Через пятнадцать минут они были на месте.

Хэм демонстративно позвонил.

Тишина.

- Где же твой друг?

- Наверно, задерживается на работе. Ну, ничего страшного. Он на всякий случай дал мне второй ключ.

- Как красиво! А где видеоманитофон?

- Сейчас, сейчас. Давай перекусим.

Он принес салат, колбасу, сыр, бутылку югославского апельсинового ликера, достал из серванта два бокала на тонких высоких ножках.

Дальше все вышло непроизвольно. Одной рукой обнял ее за плечи, привлек к себе. Другой рукой полез в трусики. Из его глаз посыпались искры. Тамара довольно профессионально боднула его головой.

- Не лапай! Все вы одинаковые! Козлы!

Она поправила прическу, одежду и вышла из комнаты. Он слышал, как хлопнула дверь.

Глава 8 Понедельник - день тяжелый

Галаган сидел в столовой на своем излюбленном месте у окна и ел макароны по-флотски. Рядом стояла громадная алюминиевая кружка с чаем, куда Галаган только что насыпал с полдюжины ложек сахара. Время от времени он усердно дул, не сколько на чай, сколько на кружку.

Вчера до скандала разругался с женой. Теперь и не вспомнишь, с чего началось. Скорее всего, как обычно с пустяка. Кончилось тем, то он пригрозил: « В среду не жди, на отгулы не приеду! Вызывай любовничка!» Она отрезала: « Можешь совсем не приезжать, воспользуюсь твоим советом!»

Галаган покачал головой. «Переходи на другую работу!». Да уж! Переходи! Четыре дня не могут прожить спокойно, без шума. А что начнется, переберись домой на постоянно?

Галаган посмотрел по сторонам. Монтажники дружно стучала ложками о миски, прихлебывали чай, перебрасывались шутками. И всех он знает как облупленных. С одними начинал, у вторых учился, третьих сам поставил на ноги. Что? Взять и плюнуть?

Конечно, жизнь в вагончике – не малина, а трасса – не дом отдыха. Ноуволиться из мехколонны?

« Оксана Михайловна! Привезти бы тебя разок сюда, чтобы увидела, как, возвращаясь вечером, мы с гордостью роняем: « четыре пикета воткнули», чтобы поняла, как иной раз работа не ладиться и руки опускаются, и хочется на все плюнуть, но ломаешь себя, пересиливаешь свою натуру, и дело идет на лад. Надо показать тебе, Оксана Михайловна, трассу, построенную твоим мужем. Может, тогда осознаешь ты и не станешь донимать глупыми разговорами. Ведь понимаешь – никуда я не уйду. Так стоит ли ворчать?»

Таков уж этот день понедельник, первый день приезда из дома. За долгие годы работы в мехколонне, у многих выработалось золотое правило: на время работы отключаться от мыслей о семье, доме. И это правило помогало. Подводило оно лишь дважды. В первый день – после приезда из дома и в последний день – перед отъездом домой. Понедельник был самым тяжелым днем. Но к нему привыкли.

- Булька! Булька!

Собачонка выскочила из темноты и закружилась у ног Антона. Он дал псу кксочек сахара, потрепал по густой шерсти. Булька, славное ты существо!

Антон тоже плохо переносил понедельник после отгулов. На эти дни не строил никаких планов. Приходил пораньше к Вероники Маврикиевне, пил крепкий кофе, читал до глубокой ночи. А назавтра просыпался с ясной, чистой головой, с жаждой работать.

Сегодня Вероника Маврикиевна дома. Во всех комнатах горит свет. У хозяйки такая привычка – зажигать свет во всем доме.

Хозяйка сегодня была не одна. За длинным накрытым столом сидела незнакомая женщина, неопределенного возраста ,в больших круглых очках. Ее черные гладкие волосы были зачесаны назад и туго стянуты на затылке в узел. Несмотря на теплый вечер, она куталась в старый клетчатый платок . То ли платок был старомоден, то ли в комнате не хватало света, но женщина казалась худенькой и несчастной.

Антон поздоровался с женщинами.

- А ко мне дочка из Куйбышева приехала. Рената! – похвастала домохозяйка.

Антон внимательно посмотрел. Рената? Ах,да. Вероника Маврикиевна родом казанская татарка. Имя не экстравагантное. Похожее, правда, мужское-Ринат- носили с полдюжины монтажников участка.

Рената поздоровалась. Голос у нее был неожиданно приятный, «бархатный».

- Как там Самара-городок? – спросил он у Ренаты.
- По-старому.
- Погода не капризничает?
- Нет.
- Вы самолетом?
- Да.
- Московским рейсом. Он же делает посадку в Куйбышеве.
- Долетели нормально?
- Вполне.

В углу потихоньку трещал телевизор. Рената смотрела на экран. На ее коленях устроился толстый серый кот Маркиз де Карабас, которого она гладила по шерстке. Кот мурлыкал и потягивался, выпуская когти.

Он вздохнул. Да, с появлением Ренаты придется отказаться от многих маленьких льгот. Уже не будешь шлепать по комнатам в одних трусах, не полезешь под водопроводный кран, когда ночью станет особенно жарко. Надо уходить под благовидным предлогом, как вспомнил, что у него порванный носок на пятке, и если он встанет, а Рената посмотрит ему вслед, то обязательно увидит дырку.

С домохозяйкой было проще. Она бы сказала: «А ну давай свои потники, я постираю и заштопаю.»

- Разрешите откланяться.

Рената чуть заметно кивнула головой.

Антон прошел в свою комнату, лег, взял книгу. Прочитал несколько страниц, но повествование не шло в голову. Он достал с подоконника пепельницу и закурил. Ему почему-то вспомнилась мистическая история. Тогда он жил в Ленинграде.

«После того как Антон, неожиданно заметил, что кашляет в самый неподходящий момент, он твердо решил покончить с курением.

Насладившись перед сном последней затяжкой, он погасил окуроч в старинной медной пепельнице, пожелал спокойной ночи маме, надежно оберегавшей его тылу, и отправился на боковую.

Под утро ему приснилась пепельница. Та самая пепельница, которая еще со студенческих лет украшала его ночной столик. Это была не совсем обычная пепельница. Ее подарили Антону на день рождения друзья-однокурсники. Нашли же ее во время летней практики, разбирая предназначенный к сносу очень старый дом. Медная пепельница представляла собой классическую голову дьявола: с тонким и длинным крючковатым носом, глубокими глазами, заостренными ушами, козлиной бородкой и, конечно же, изящными рогами. Классическим было и выражение, приданное его физиономии: этакая загадочная улыбка, смесь изощренного коварства, затаенной злобы и тысячелетней умудренности.

Видимо, медь имела неизвестные современным мастерам добавки, потому что за все годы металл ничуть не потускнел, сохраняя ровный красновато-золотистый отлив.

Малейший отблеск света, падавший на пепельницу, странным образом оживлял физиономию дьявола, казалось, тот вот-вот заговорит. Это впечатление усилилось еще в большей степени, когда одна из подружек Антона раскрасила дьяволу зрачки лаком для ногтей. Раскрасила - и сама испугалась. Рубиновый взор проникал прямо в душу.

Именно этот взгляд, соединенный со змеиной улыбкой, обнажающей крупные ровные зубы, и приснился Антону под утро.

- Ты хочешь обойтись без меня? - молчаливо вопрошал дьявол. - Не выйдет, хозяин. Я тебя не отпущу.

Впечатление было настолько ярким, что, проснувшись, Быстров счел нужным дать достойный ответ.

- Слушай, ты, ставленник темных сил! - сказал он пепельнице. - Если я сказал, что бросаю курить, значит, бросаю. Если ко мне в гости придут курящие дамы, я, так и быть, предоставлю тебе твое привычное место. А пока отдохни малость от дел, - и он сунул пепельницу на шкаф между коробочек и свертков.

В вагоне метро он вдруг поймал себя на мысли, что думает о пепельнице. Из темноты тоннеля за ним пристально следили кроваво-красные глаза, уверенные в собственном превосходстве.

Антон тряхнул головой, сбрасывая наваждение.

Рабочий день прошел нормально. Иногда его рука инстинктивно тянулась к карману за несуществующей сигаретой, но Антону с улыбкой пресекал эти попытки. Никакая ломка ему не грозила, потому что курение всегда было для него не потребностью, а, скорее, данью моде. Он не сомневался, что сладит с приевшейся привычкой в два счета. Но он и понятия не имел, что его будет так настойчиво преследовать образ медной пепельницы. Раз сто за день полированный дьявол являлся его внутреннему взору с пугающей реальностью, и бороться с этим было куда труднее, чем с желанием закурить.

Какова же была досада Антона, когда, вернувшись домой и войдя в свою комнату, он увидел, что медная пепельница как ни в чем не бывало расположилась на старом месте и не сводит с него насмешливых рубиновых зрачков.

- Мама! - закричал Антон. - Мама!

- Что такое? Что случилось? - Из кухни с ножом в руке появилась Вера Васильевна, его мама, самый близкий человек, друг, советчик и утешитель.

- Мама, зачем вы поставили пепельницу обратно? Я же предупреждал, что бросаю курить. (Всех его знакомых девушек сначала страшно удивляло, что он зовет родную маму на "вы", но затем они проникались к нему за это еще большей симпатией.)

- Ах, Тошечка, по каким пустякам ты меня отвлекаешь, а у меня котлеты горят. Иди лучше умойся. - Уже из коридора Вера Васильевна добавила: - А к твоему идолу я даже не прикасалась, ты же знаешь, как он мне противен.

Антон пожал плечами. Ах, мама, мама... Она стала такой рассеянной. Сунет куда-нибудь очки или иголку, а после ищет полдня.

Он переоделся, но перед тем, как идти в ванную, спрятал пепельницу в нижний ящик тумбочки, что стояла в прихожей.

Вечер прошел как обычно: ужин, телевизор, разговоры, телефонные звонки... Была уже полночь, когда он отправился спать.

Стаскивая носки, он бросил случайный взгляд на столик и обомлел. Медный дьявол улыбался ему, но в рубиновых зрачках читалась угроза.

Вера Васильевна уже спала, и расспросы пришлось отложить до утра. Однако Антон не собирался мириться с присутствием упрямой пепельницы. Он вынес ее на кухню, приткнул на подоконнике и плотно прикрыл дверь.

Едва он закрыл глаза, как дьявол-искуситель возник перед ним во всей своей красе. В изгибе тонких губ таилась издевка:

- Тебе ли сладить со мной, малыш? Я знал парней покруче. Но и они становились шелковыми.

Антон начал думать о другом. Он представил себе свою новую знакомую - студентку Олю, ее маленькие пальчики с маникюром... Бац! Едва он подумал о маникюрном лаке, как соблазнительный образ задрожал и развеялся, а вместо него нахально зыркнули рубиновые глазищи на опостылевшей физиономии.

Антон рывком встал с постели и выбежал на кухню. Медный дьявол стоял на полу у самой двери. Должно быть, порыв ветра распахнул окно, а створкой сбilo пепельницу с подоконника. Но почему тогда он не слышал шума?

Антон вышел на балкон, размахнулся и зашвырнул пепельницу в разросшиеся кусты. Любой ценой он избавится от проклятого наваждения!

Под утро начались кошмары. Ему снилось, что пепельница добралась до подъезда, преодолела лестничные марши, поднялась на седьмой этаж и сейчас топчется у закрытой двери, тычась в нее носом и как бы выискивая отдушину. Ему даже казалось, что он слышит сквозь сон это легкое постукивание: тук-тук-тук... А может, это капает вода из крана? Или чудак-сосед с первого этажа продолжает ремонт, которым почему-то занимается по ночам? Его мозг пребывал в некоем странном оцепенении, в неодолимой полудреме, он навязчиво думал о пепельнице, но не мог встать, чтобы выглянуть за дверь. Наконец тяжелый сон сморил его.

Поднялся Антон совершенно разбитым. И первое, что он увидел, был медный дьявол, победно возвышавшийся на ночном столике.

- Мама! - закричал он так громко, что звякнула посуда в буфете.

Вера Васильевна тут же прибежала с кухни.

- Как ты меня перепугал! - Она прижимала к сердцу руку, в которой был зажат неизменный столовый нож. - Ты совсем не жалеешь свою маму, Антон. Разве можно так кричать? Я еще не глухая.

- Простите, мама! Но... - Он молча кивнул на пепельницу.

- И из-за таких пустяков ты кричишь на весь дом? Люди подумают невесть что. Я выносила мусор, а твоя любимая пепельница стояла за дверью. Если ты решил держать ее там - пожалуйста, но ведь долго на площадке она не простоит, люди потеряли всякое уважение к чужому добру.

У него в голове был полный сумбур.

- Значит, вы опять выносили мусор? Я ведь запретил вам. Мы же договорились. Это моя работа.

- Но ты так плохо спал. Я же слышала, как ты ходил всю ночь да ворочался с боку на бок. Это, конечно, твое дело, но мне кажется, Антон, что тебе пора уже подумать о семейной жизни. Но если это будет девушка Оля, то считай, я взяла свои слова обратно. Ну, иди умывайся. Я готовлю твою любимую тушеную капусту.

Умываясь, он нашел более-менее вразумительный ответ. Эту пепельницу, единственную в своем роде, видели многие соседи. Вероятно, кто-то из них выносил мусор раньше, наткнулся на нее и поставил у дверей.

После завтрака он достал с антресолей небольшой старый чемодан, спрятал желтого черта внутрь, запер оба замка на ключ, тот опустил в карман своей куртки, а чемодан забросил наверх - в дальний угол.

Больше пепельница на ночном столике не появлялась.

Зато начались непрерывные галлюцинации. Не было минуты, чтобы навязчивое видение не возникало перед ним.

- Не устал еще? - змеились тонкие уста, горел кровавый взгляд. - Пока я не вернусь на свое законное место, пытка будет продолжаться. Не в моих правилах отступать.

Много раз Антона одолевало искушение отделаться от пепельницы раз и навсегда: подарить кому-нибудь, бросить в Неву или зашвырнуть на платформу товарняка, катящего в ближнее или дальнее зарубежье. Он так бы и поступил, если бы ясно не осознавал простой истины: это не избавит его от наваждения. Даже если дьявол будет покоиться на дне Невы или окажется в далеких краях, он все равно будет посылать свой сатанинский сигнал и появляться в сознании в любую минуту дня или ночи. А затем, рано или поздно, неведомыми путями, он вернется на привычное место, подобно тому как к царю Мидасу вернулось золотое кольцо, проглоченное рыбой.

Он извелся от этих мыслей. Он стал нервным, делал ошибки в работе и даже разочаровал девушку Олю своей чрезмерной задумчивостью.

Надо было что-то предпринимать. Существовал очень простой выход: снова закурить. Но Антон знал, что перестанет уважать себя, если признает поражение. Его воля трещала под напором бесовских сил, но он снова и снова собирал ее в кулак, хотя делать это становилось все труднее.

Решение пришло неожиданно. Оно было удивительно простым. Антон даже рассмеялся, когда понял, насколько это просто. А рассмеявшись, успокоился.

Но сначала нужно было кое-что проверить.

Он достал пепельницу из чемодана и водрузил ее на столик. Дьявол ликовал. Красные лакированные зрачки праздновали победу. Не рано ли?

Антон порылся в чулане, нашел ножовку и вернулся в комнату. При виде ножовки что-то изменилось в облике медного искуителя. То ли свет теперь падал с другой стороны, то ли столик качнулся, но рубиновые глаза наполнились тревогой.

Антон крепко взял пепельницу левой рукой (ему показалось, что он ощущает холодную дрожь дьявола) и несколько раз провел ножовкой по одному из рожек.

Послышался легкий стон. На полированной поверхности ясно обозначился пропил.

- Ага, боишься...

Теперь пришла пора улыбаться Антону.

Он отложил ножовку в сторону, сел на постель и, держа перед собой в вытянутых руках перепуганного идола, сказал ему:

- Послушай, любезный! Я не желаю тебе зла. К тому же ты - подарок. Всякий раз, когда ко мне придут курящие гости, я буду предоставлять тебе за столом почетное место и даже обращать их внимание на твою оригинальную внешность. Я также обязуюсь содержать тебя в чистоте. Но за это ты обязуешься оставить меня в покое. Ты должен уйти из моих мыслей и снов и не вторгаться в них самовольно. Если это опять случится, я попросту распилю тебя на мелкие кусочки и разбросаю по всему городу. Попробуй потом собраться воедино! Причем я буду отпиливать от тебя по кусочку в день. И я это сделаю. Думаю, такая перспектива не сулит тебе радости. Что скажешь? Заключаем договор?

Черт покладисто кивнул. Ехидство, по крайней мере в эту минуту, исчезло из его улыбки.

Ночью Антон спал спокойно. И в последующие ночи тоже. И он долго еще не курил. Целых три месяца.»

Н-да. Было дело.

Предстояло решить, наконец, как быть дальше с Сороковским. С прорабом Сороковским. Антон долго надеялся, что все уладится само собой, но ничего не улаживалось. Наоборот, отношения обострялись с каждым днем.

Сороковский. Антон привык называть его по фамилии в последние два-три месяца. А раньше тот был Вальком, Валькой, Сороконожкой, как его прозвали с институтской скамьи.

Они дружили в институте, дружили и после получения диплома. Имел Валек привел Антона в мехколонну, хлопотал за него, давал наилучшие рекомендации. И пока Антон остался прорабом, между ними сохранялись прежние приятельские отношения, окрашенные юмором и добродушным подтруниванием друг над дружкой.

И вдруг все пошло шиворот – навыворот. Самым неожиданным образом Филимонова назначили начальником участка, того самого, на котором работал Валек.

Постепенно Валек круто переменялся к нему.

Его тон был теперь то насмешливым, то вызывающим, но одинаково враждебным. Это было непонятно и обидно. Притом Валек – этот живчик, этот неугомонный бес – стал апатичным и вялым: распоряжения он выполнял спустя рукава, не давая повода упрекнуть себя в чем-либо, но там нужно было проявить инициативу, он палец о палец не ударял.

Особенно обострились отношения между ними после одного случая.

Как-то Антон приехал на трассу и поразился: монтажники лежат на зеленой траве, курят. Валентин сидит на полусобранной опоре и вырезает ножичком узоры на тросточке.

- Что за перекур? – подошел к ним Антон.

Монтажник встали.

- Солярка кончилась, - ответил Валентин, не меняя позы.

- Почему вчера не предупредил?

- В бак забыл заглянуть.

- Почему не пошлешь машину на участок за соляркой?

- Бензина на обратную дорогу не хватит.

- Так что же ты сидишь? Почему не ищешь выход?!

- А что я могу сделать? Разве что сказать пару теплых слов вон тому деятелю, который не удосужился вовремя заправить технику? Но уж коли ты сам здесь, то тебя и карты в руки.

Антон тут же написал записку и направил машину на участок. Он буквально дрожал от бешенства. После этого он не разговаривал с Валентином три дня.

После размолвки Сороковского вел себя по-прежнему. Приехав вечером с трассы, он переодевался и отправлялся в центр поселка, к вокзалу, чтобы, как он выражался, «кефирчику попить» несмотря на то что после ужина Антон в обязательном порядке собирал бригадиров и специалистов на планерку.

Помощник из него был никудышный.

Антон вспомнил первый свой приезд на участок в новой должности. Он тискал ошеломленного Валентина и твердил ему: «Валек! Да мы с тобой горы своротим!» И вот как оно обернулось. Теперь он должен решать судьбы Валька.

Юридически тут все просто. Надо написать рапорт на имя главного инженера мехколлонны и потребовать наказания нерадивого прораба.

Потребовать, чтобы наказали Вальку! С которым он жил пять лет в одной комнате студенческого общежития? Делил пополам последний рубль?

Антон задумался.

В ближайшее время надо готовить фронт работ для Турдыкина, рыть котлованы. Пожалуй, лучше всего временно закрепить за Сороковским экскаваторщиков. Пусть берет теодолит и делает точную разбивку. Работа ответственная, требующая полной сосредоточенности. Авось одумается.

Глава 9 Другая женщина и очередные хлопоты

Проснулся Антон как всегда – в половине седьмого. Хотел уже бежать под водопроводный кран, но тут над головой, над домом над поселком задрожал воздух, прокатился гром – взлетал московский ТУ – и Антон сразу же вспомнил про Ренату.

Вздыхнул, оделся.

На ярко освещенной кухне Рената жарила картошку. Он увидел совершенно другую женщину, непохожую на ту, вчерашнюю.

Рената была невысока. Белая безрукавая кофточка и облегающие джинсы хорошо подчеркивали достоинство ее ладной, развитой фигуры. Сейчас она была без очков, и Антон увидел большие зеленоватые глаза, упрямые и жесткие.

Ниспадающие густые черные волосы обрамляли смуглое лицо с тонким прямым носом. В профиль Рената напоминала Антону подругу главного героя из итальянского детектива «Я боюсь». Но стоило ей повернуть лицо анфас, как это сходство улетучивалось. Определяющим становились чуть выступающие скулы, те же щеки, что у матери, тот же суровый облик, смягченный капризным рисунком губ. Это была взрослая женщина лет сорока.

Может, своеобразная красота и не бросилась бы в глаза в толпе, но здесь, Антон, менее всего рассчитывавший на сюрприз, не мог ее не заметить.

Антон вдруг невероятно смутился, оттого именно, что на ум не приходило ни одной путной фразы.

Рената легким движением руки поправила волосы. Кивнула ему:

- Доброе утро!

Голос звучал спокойно, был мелодичным и чистым – голос дикторши телевидения. Этот голос вернул его в действительность.

- Доброе утро, - ответил он. – Вы слишком рано поднялись.

- Я привыкла.

Антон не мог понять, приветлива ли она.

- А знаете, - оживился он, - ведь я вас раньше видел.

- Вы –меня?

- Да, конечно! Ведь вы прилетели в среду?

- В среду.

- Ну вот. А я как раз в среду улетела домой. Мой самолет взлетел сразу же после посадки вашего. Я должен был вас видеть. Я видел, как ваш самолет сначала появился из-за гор, потом приземлился, видел, как пассажиры вышли на поле. Я видел всех – значит видел и вас.

Наконец-то она улыбнулся.

- Ну, на меня тогда не стоило смотреть. Когда я выхожу из самолета, на мне лица нет. Боюсь летать.

Она приподняла ножом несколько долек:

- Умывайтесь скорее, и к столу. Чай уже заварен.

- Вы жарили картошку для меня? – удивился он.

- Разумеется, для вас. Мама еще спит. Вообще она у меня любит поспать, когда обстоятельства позволяют. Ну а я, как все современные женщины, берегу фигуру.

- Надо заметить, вам это удается.

Она неожиданно нахмурилась.

- Умывайтесь.

Антон включил радио. На связи был Шаров. Он еще раз подтвердил, что Турдыкин сегодня будет на участке. « Уж выехал! Жди. Через пару часиков будет! ». Антон сообщил, что экскаваторы работают на новом месте под надзором Сороковского. Шаров прокричал сквозь помехи: « Добро! Молодец! »

В ожидании Турдыкина Антон решил съездить в горводхоз, чтобы договориться насчет подключения вагончиков к системе отопления. Дело было несрочное, но обещавшее массу проволок из-за чрезмерной осторожности начальника водхоза Курбангельдыева который, наверное, не поставит бы своей подписи даже под таблицей умножения, если бы его попросили подтвердить ее правильность.

С утра у Антона было легкое, беспешашное настроение, появилось предчувствие близкой удачи. В чем тут дело - в растущей благосклонности Шарова, в приезде Турдыкина или в Ренате, которая « я жарю картошку для вас » - он не знал.

Хорошее настроение не покидало его. Курбангельдыев был сегодня на удивление приветлив и решителен. Внимательно выслушав Антона, взял заявление и размашисто расписался в уголке.

И вот сидит Антон в вагончике-конторе и ждет Турдыкина , который должен подъехать с минуты на минуту.

По гравию зашуршали шаги. Вошла Тамара.

- Можно?

- Проходи.

Тамара села на стул, сложив руки на коленях.

Поблагодарив начальство за привезенные занавески для кухни , она стала просить новые скатерти.

- Может в столовой гардероб устроить и швейцара пригласить?

- Антон Валерьянович, вы столовой ни разу по-настоящему никогда не интересовались. Минуточку, можно я закончу Вы думаете , если мясо и крупу нам регулярно завозят, значит с кухней все в порядке? А сколько нам посуды приходится мыть? А горячей воды нет. Кипятим по несколько ведер! А баллоны с газом на себе таскаем? Нож поточить и тот негде.

Антон растерянно молчал, смотря как сильные , с легкими порезами, руки Тамары теребили скатерть

- Хорошо. Все тебе будет. И вода горячее, и все такое прочее. Требуй с меня!

Она встала

- Спасибо.

И повернулась к выходу . На солнечном свечу , сквозь стерильно белый халат, отчетливо просматривалось ее очное , аппетитное тело.

Антон улыбнулся вслед. Почувствовав, что на нее у него встал интерес.

А вот и Турдыкин.

Невозмутимый, свежесбранный, аккуратный , в темных очках.

- Как доехали? – вежливо поинтересовался Антон.

- Нормально, - гость улыбнулся.

- Вот, образно говоря, мое царство, - Антон обвел участок рукой.

- Солидное хозяйство, - одобрительно отозвался Турдыкин.

- Как видите, место для нескольких вагончиков найдется.

- Нет! – решительно возразил Турдыкин. – Мы будем жить на трассе.

- Может быть, сначала все-таки посмотрим саму трассу?

- Охотно.

Узнав, что Шаров предоставил на сегодня персональный уазик в полное распоряжение Турдыкина, Антон обрадовался. Значит, свою машину можно поставить на профилактику. Давно пора.

Уазик остановился.

Филимонов и Турдыкин вышли из машины. Предгорье с этой точки казалось невысоким холмами и пологими склонами, нахлобученными один на другой.

- Вот, собственно, граница моих владений, - сказал Антон, подходя едва не к краю пропасти, казавшейся бездонной. – На той стороне участок Твердохлеба.

- Олега Тимофеевича?

- Вы его знаете?

- Со слов Льва Кирилловича. Сначала речь шла об участке этого Твердохлеба. Но,- Турдыкин тонко улыбнулся, - старик не поверил нам.

- Докажите ему, что он ошибся. У вас теперь есть такая возможность.

- Главное, Антон Валерьянович, чтобы в нас поверили вы.

- Если бы я в вас не верил, мы бы не стояли бы сейчас здесь.

- Спасибо. Вы не пожалеете.

- Итак, на той стороне ущелья – хозяйство Твердохлеба, - повторил Антон. – Здесь- мое. Правда, пока не ясно, кто же будет тянуть провода над пропастью.

Он повернулся к пропасти спиной, показывая, как именно пройдет трасса. Ориентироваться было легко в поле зрения работали два ярко-оранжевых экскаватора. Антон прикинул – с утра уже вырыли котлован. Неплохо.

Четкими желтыми и зелеными прямоугольниками внизу виднелись колхозные поля. По ним передвигались маленькие синие трактора. Еще ниже виднелись дороги с игрушечными машинами, канал, кишлак, поселок и аэропорт, над которыми серебристой завис самолет с выпущенными шасси. Еще дальше сквозь синюю дымку проступали очертания областного центра.

- Здесь и пройдет пятисотка, -Антон рубанул ладонью вдоль горных хребтов.

- Здесь мы поставим вагончики, в тон ему ответил Турдыкин.

- Не рекомендую.

- Почему?

- Во-первых сейчас саратан. А тут, как видите, ни клочка тени. Во-вторых, намаетесь без света и воды.

Турдыкин взглянул на свои электронные заграничные часы «Casio», оснащенный микрокалькулятором.

- Антон Валерьянович, я засекаю время, которое мы затратили на дорогу. Сорок пять минут. И это на уазике. Грузовик идет дольше. Значит, туда-обратно, как минимум, два часа. Зачем же выбрасывать на ветер такую уйму времени? Жары нам бояться не приходится – мы народ южный. Воду будем привозить в бочке из канала, ну а свет –зачем нам свет? К тому же ночи теперь лунные. Так что, если дела пойдут, мы с вторую смену устроим при луне.

Он внимательно посмотрел на Антона:

- Едем мы сюда работать, а не в вагончиках отлеживаться. А трасса мне нравится. Никаких помех. Простор!

- Когда вы приступите?

- Ребят я уже вызвал по телеграммами. Мне нужно время, чтобы заключить договор с вашей мехколонной. Точно определить объемы работ. Значит, где-то через неделю начнем.

- Добро!

- Антон Валерьянович, у меня к вам вопрос.

- Слушаю.

- Где вы обычно обедаете?

- По- разному приходится.

- А что если сегодня пообедать в кафе у базара? Говорят, там неплохо готовят цыпят табака.

- Возможно. Я там не бывал.

- Видите ли, - замылся Турдыкин, - у меня есть серьезный разговор. Здесь он не получится. Хотелось бы где-нибудь в более уютном месте. Ну, а в самом-то деле, один раз вы можете дать себе маленькую поблажку?

- Уговорил, подумав, кивнул Антон.

Хотелось лучше понять человека, на которого он возлагал надежды. А где же говорить по душам, как не за обеденным столом.

Филимонов и Турдыкин опустили за один из столиков у самого окна, выходящего на площадь.

- Извините, - Турдыкин смущенно улыбнулся – Я на минутку

Оставшись один, Антон огляделся. Зал был почти полон. С кухни доносились дразнящие запахи.

Вскоре вернулся Турдыкин. Буквально следом за ним хорошенькая официантка принесла поднос – к неудовольствию соседних столиков, видимо, уже давно ожидавших своего заказа. Мило улыбаясь, она доставила перед посетителями по двойной порции цыпят, салат, высокие стаканы с томатным соком и фарфоровый чайник.

Турдыкин поблагодарил ее легким кивком и тут же наполнил пиалы.

Антон отпил глоток и поперхнулся:

- Коньяк?

Турдыкин с видом заговорщика улыбнулся.

- Вообще-то здесь сухой закон, но уважаемым посетителям идут на уступки.

- Напрасно вы это, совершенно напрасно, - нахмурился Антон.

Турдыкин виновато развел руками:

- Сто грамм коньяка вам не повредят. Снимает усталость. Не святой- же вы. Как говорят на Украине «не пьют только хворые и падлюки»!

- Не святой, - согласился Антон. – Но к спиртному отношусь спокойно. Лично меня тянет на сон, пропадает желание работать. А это действует угнетающе. Так что, не астаивайте, все равно не буду.

Он отодвинул пиалу.

Турдыкин почти не прикасался к себе. Соединив пальцы, н проникновенно заговорил:

- Антон Валерьянович, ребята мои будут работать не за страх, а за совесть. Но без вашей помощи нам не обойтись.

- На этот счет можете не волноваться.

- Да-да, конечно. Не видите ли. Нам, особенно на первых порах, будет внимание с вашей стороны. Возможно мы вас иногда попросим не ездить на отгулы. Думаю, вопросов будет много. Так что ваш рабочий день увеличится.

Антон пожал плечами:

- Мой рабочий день не нормирован.

- Но теперь у вас и неделя будет ненормированной.

Антон откинулся на спинку стула, сощурил глаза.

- Вильям Платонович, я не знаю, что произойдет со мной через много лет, но сегодня, в этом месяце, в этом году я не особо дорожу личным временем. Мне хочется одного – скорее сдать трассу. Вы играете на меня. Значит, мой долг помогать вам. Выгода здесь, как видите, взаимная. Так что уговаривать меня излишне.

- Но ведь всякий дополнительный труд должен быть оплачен, - мило улыбнулся Турдыкин. – Я вам гарантирую три процента от заработка бригады.

- Вот оно что, для чего вы вспомнили цыплят табака.

- Нет, - решительно и мужественно ответил Турдыкин. – Просто мне приятно общение с вами. А это так, к слову. И поймите – я вам предлагаю ничего противозаконного. Речь идет об оплате вашего фактического вклада в бригадные дела. Поверьте моему опыту.

- А вы поверьте моей искренности. Ваши три процента меня не соблазняют. Мне нужна ваша бригада. Нужны ее руки. Так что давайте забудем наш разговор и никогда не будем к нему возвращаться.

- Понял, - тихо очень серьезно ответил Турдыкин. – Действительно, давайте забудем наш разговор. Пока

Возникла пауза.

Антон поднял на бригадира глаза:

- Кстати, я собирался в бригаду Бурлакова на установку опоры. Хотите со мной? Это интересно. Между прочим, все хочу спросить.

- К вашим услугам.

- Как Шаров вас нашел?

Бригадир улыбнулся в своей манере:

- Вопрос сформулирован не совсем точно. Это я нашел Шарова. Видите ли, уважаемый Антон Валерьянович. В круг моих обязанностей входят также поиски мест приложения сил бригады. Я, так сказать, запрограммирован на эти поиски. Нынешней весной мы строили в одном совхозе ферму. Неподалеку какие-то рабочие расширяли местную подстанцию. Естественно, исходя из моих обязанностей, о которых вам сказал, чисто автоматически я поинтересовался, какую организацию они представляют, сколько зарабатывают. Откровенно говоря, поначалу показалось – для нас это бесперспективно. Но из дальнейшего разговора выяснилось, что среди объектов мехколонны есть ЛЭП-500, где работы только разворачиваются. Я попросил директора совхоза написать отзыв о работе нашей бригады и направился в ПМК, где и познакомился с уважаемым Львом Кирилловичем, который, к счастью, отнесся ко мне с пониманием.

Монтажники растягивали по горбатуому каменистому склону тросы. Влево от пикета уходили все те однообразные предгорья. Зато с правой стороны тянулись цепочка серебристых порталных опор, уверенно взметнувшихся над косогорами. Ровная шеренга оживляла монотонный пейзаж.

- Красиво, - Турдыкин кивнул на опоры.

- Это еще не ЛЭП, - коротко пояснил Антон. –Вон там, чуть дальше – жест в сторону стоявших опор – где Бондаренко провода тянет, уже есть готовые куски. Мы тоже это попозже посмотрим. А сейчас – все внимание сюда. Начинают!

Они поднялись на склон соседнего, более высокого холма, откуда хорошо просматривались площадка, где готовились к подъезду опоры. Невысокий, шустрый Бурлаков уверенно отдавал команду.

Антон объяснил спутнику суть происходящего. Собственно, все это проще пареной репы, небрежно обронил он. Но в самом тоне проскользнула тайная гордость профессионала.

Вот установили падающую стрелу, растянули тяговые и тормозной тросы, прицепили к механизмам. Двинулись мощные трактора, натягивая тросы. Вот те вытянулись, напряглись, напряжение передалось опоре – в ней что-то зазвенело, она словно вскрикнула, потревоженная и встrepенувшись чуть оторвалась от земли. Ей явно не хотелось расставаться с прежней вольной позой но тяговый трос был упорен и опора с каждой секундой сопротивлялась все меньше.

И все это подчинялось мановениям рук бригадира который руководил усилиями механизмов словно дирижер – оркестром.

- Сейчас будет пройдена мертвая точка – со знанием дела произнес Антон – а затем Он не успел договорить.

Опора вдруг замерла хоть тягловый трактор продолжал двигаться вперед. Секунду она висела в воздухе словно раздумывая что ей делать а затем медленно пошла назад.

Монтажники врассыпную бросились с холма. Опора рухнула , глухо ударившись о землю. Побледневший Антон стремглав сбежал к пикету.

Монтажники сгрудились у поверженной опоры, чертыхаясь. Опора при падение деформировалась. Особенно пострадала правая « нога».

Бурлаков со странной, неестественной улыбкой смотрел на искореженные уголки.

- Уронила опору, - тихо сказал он подоспевшему Антону. – Первый раз в жизни уронил.

- Вижу, что уронил!

Антон был взбешен. Технологию подъема опоры они отработали до мелочей. Поставили на трас уже около семидесяти. Все шло нормально. Просто так, ни с того, ни с его опора не могла упасть. В первый момент его прошиб холодный пот, когда показалось, что оора при падение заденет кого-нибудь из рабочих. К счастью, никто не пострадал.

Когда волна возбуждения улеглась, Антон принялся искать причину аварии. Осмотрел опору. Тросы зачалены по всем правилам монтажного искусства. Стрела установлена правильно. Он направился к тяговому трактору и уж тут дал волю чувствам. Все было ясно. Кто-то второпях прицепил трос не к основному крюку трактору, а к вспомогательному, которые монтажники сами приварили к днищу. Должно быть, сварка оказалась некачественной, или в самом крюке была трещина – но факт, что в момент максимальной нагрузки крюк отвалился.

- Вот! – Антон поднял с земли злосчастный крюк. – Кто цеплял трос?

-Я оцеплял, - отозвался Алик, парень, принятый в бригаду месяц назад. Он и сам был подавлен случившимся.

Антон перевел взгляд на бульдозериста Виталия.

- Он – новенький. С него и спроса нет. А ты?! Неужели не заметил?

- Я думал выдержит, - оправдывался покрасневший Виталий, бестолково теребя дужку роговых очков. – Нагрузка всего три тонны.

- Вот твои три тонны! – завопил Антон и силой вложил в его ладонь крюк.

- Сколько раз я вам говорил, чтобы при подъеме отходили от опоры! Какого черта забыли под ней? Все! Завтра проведу с вами инструктаж по техники безопасности.

- Первый раз в жизни опору уронил. – виновато забормотал Бурлаков.

- Да перестань причитать!- и Антон богомерзко выругался.

Бригадир еще ниже опустил голову.

В бригаде в основном были парни , отслужившие армию, крепкие, самостоятельные, зубастые. Говорить с ними в резком тоне было небезопасно. Но Антон не смог сдержать себя, а те, чувствуя свою вину, только хмурились.

- Все! – заключил Антон.- Разбирайте опору. Правьте, режьте, гните – делайте, что хотите, но чтобы завтра опора была готова к подъему.

И он зашагал к машине.

Теперь он корил себя за то, что грубо разговаривал с людьми. Они ведь не нарочно. Сами подавлены и переживают.

Турдыкин стоял на прежнем месте. Лицо его было спокойно. Пепельные волос бились на ветру.

- Не расстраивайтесь. Антон Валерьянович. Главное , никто не пострадал. А все прочее – поправимо

- Поезжайте. Я остаюсь.

Турдыкин сделал шаг к машине, остановился , обернулся.

- Вы меня ни о чем не просите?

- Нет.

- Правильно.- Он улыбнулся. – Не беспокойтесь. Я никому не скажу ни слова.

Монтажники разбирали опору. Антон работал гаечным ключом наравне со всеми. Развели костер нагрели в огне деформированные уголки. В ход пошли кувалды. Но нижнюю сварную секцию пришлось выбросить целиком.

Придется вечером съездить к Твердохлебу. Антон знал что у того храниться несколько резервных копий секций. Придется кланяться никуда не денешься.

Глава 10 Дела, дела...

До участка Твердохлеба была около сорока километров по шоссе. Антон выехал туда поздно вечером, чтобы наверняка заставить своего соседа.

Колея выводила к ограде из тонких металлических сеток, которая охватывала средних размеров поляну. За оградой были аккуратно разложены ящики, связки арматуры, бочки и прочая тара. Здесь же стояли в ряд машины и тягачи, причем над каждым автомобилем на тонкой проволочке висела бирка, на которой был начертан его номер.

Жилые вагончики стояли вокруг этой полянки группами – так что и гараж со складом были у всех на виду, в то же время в любой из вагончиков не доносился шум от соседей.

В стороне размещались вагончики общественного назначения: столовая, клуб и баня. К ним провели холодную и горячую воду от соседнего кирпичного завода. Как это удалось сделать Твердохлебу – неизвестно, но воды было вдоволь. К тому же неподалеку протекал широкий полноводный канал.

Когда Антон увидел участок Твердохлеба, то был поражен царящей здесь домашней, даже, можно сказать, дачной обстановкой, и про себя твердо решил, что когда эта трасса будет закончена, то новый лагерь на следующем объекте он обязательно сделает таким же уютным.

Твердохлеб он нашел на улице Тот важно вышагивал вдоль ограды, залитой светом прожекторов, высоко запрокинув голову и заложив руки на спину. На нем был мятый светлый костюм, соломенная шляпа, на ногах – чувяки – мягкие узбекские галоши с загнутыми вверх носками. Он шагал, погруженный в свои мысли, чуть подволакивая левую ногу. Антон знал по рассказам, что старик ежедневно после ужина в течение получаса прогуливается таким манером вокруг ограды. Утверждал, что его в эти минуты лучше не трогать.

Однако выходы у Антона не было. Он вышел из тени на свет и остановился, поджидая Твердохлеба. Тот, заметив нежданного гостя, тоже остановился. Реденькие брови под полями шляпы поднялись.

- О? Ты, друже? Какими судьбами?

В голосе его прозвучало удивление, но глаза были невидящими, словно обращались внутрь.

- Поневоле, Олег Тимофеевич, - со вздохом ответил Антон, крепко пожимая руку старику.

- Опору уронили, - неохотно признался Антон.

- Анкер?

- Промежуточную.

Твердохлеб махнул рукой.

- То юрунда. – Повторил еще раз, будто для вескости: - Юрунда! По статистике, из несколько сотен опор одна должна падать, - и он выдохнул, словно бы с облегчением, что неизбежное произошло не на его участке.

- Ерунда-то ерунда, да вот нижнюю секцию изуродовали.

- Замени.

- Нечем.

- Да? – удивился Твердохлеб, будто недоумевая, к чему же клонит Антон. – Закажи в мехколонне.

- Пока привезут – это день-два, а мне завтра с утра нужна.

- Да? – еще раз демонстративно удивился дед.

Антон недовольно поморщился. Правильно говорит Шаров, что Твердохлеб стал невозможно медлительным.

- Мехколонна далеко. А секция есть у вас, я знаю.

Твердохлеб вздохнул, надолго задумался. Наконец спросил:

- А кто опоры-то уронил?

- Бурлаков.

- Бурлаков? Ну-ну. Вот бы не подумал! Да-с. А как ты вообще с ним, Бурлаковым? Ладишь!

- По разному случается, - ответил Антон, не желая развивать тему.

- Да? – Твердохлеб чуть наклонился к Антону, будто собираясь доверить ему важную тайну: - Предшественник твой, Колобов Петр Григорьевич, дружил с Бурлаковым. По работе частенько советовался с ним. Бурлаков переживает, конечно, что Петр Григорьевич ушел. Понять его нужно. И не обижать. Человек он гордый, самолюбивый, но главное – знающий. Большую пользу приносит.

- Никто его не обижает. Но и выделять среди прочих – причин нет.

Твердохлеб задумался, вздохнул.

- Много сейчас стали показывать по телевизору фильмов о производстве. Это хорошо. И то, что в каждом есть молодые руководители – тоже хорошо. Некоторые - просто чудо. Умница, светлые головы, на лету схватывает. Куда нам! Номожет, я , старик, недопонимаю чего Видят они в человеке только его деловые качества. А чем он живет, о чем думает – вроде бы дело десятое. Эх! Умница ведь, производство знают, работу любят, а в человека смотреть не хотят.

- Олег Тимофеевич!- взмолился Антон. – Мне нужна секция. Скажите прямо – дадите или нет?

- Дам, - спокойно ответил Твердохлеб.

- Ну вот, - выдохнул Антон, не ожидавший после всех этих разговоров быстрого согласия.

- Дам. Но не бесплатно. Видел я у тебя на участке железобетонные плиты. Вот на них в поменяю секцию.

- Зачем вам?

- Вот, - Твердохлеб задрал подбородок, указывая вперед. Там в лучах прожекторов блестяла черная длинная лужа.

- Тут у меня мойка для машин, - пояснил Твердохлеб. – Отводную канавку, правда, прокопали, но вода все равно держится, грязно. Вот я и хочу вымостить ее плитами. Собирался, правда, достать гравий, но раз ты даешь плиты, я вымошу плитами.

Антон вздохнул:

- Ну и жила вы, Олег Тимофеевич!

Тот самодовольно рассмеялся:

- Не, друже, не жила, не жила. Скажи - хозяин. У меня хозяйство, - он сделал широкий круг, - и я должен так вести, чтобы ни гвоздика зря не пропало. Потому как вручено оно мне не Шаровым, а государством. Вот так.

От Твердохлеба Антон вернулся поздно, в двенадцатом часу. Показался участок, почивший мирным сном – монтажники засыпали рано.

Шофер Сашка вопросительно посмотрел на Антона: сворачивать?

Тот махнул рукой – к Веронике Маврикиевне.

Вот и перекресток. Шоссе было темным, пустынным.

- Останови, - попросил Антон, решив, что не худо пройтись перед сном, малость размяться.

Саня затормозил.

- Ну, бывай! Завтра – как всегда, - Антон захлопнул дверцу и неторопливо зашагал по обочине.

Вообще-то на этом объекте монтажникам повезло. Обычно лагерь приходилось разбивать в безлюдной местности, в лучшем случае – на краю небольшого кишлака или вблизи крохотной железнодорожной станции. А тут – крупный поселок, да и областной центр рядом.

Это воодушевляло. Антону было как-то спокойнее. Случилось какое ЧП- поликлиника, милиция, пожарные части.

И еще одно важное преимущество: на всех прочих трассах Антон жил в вагончике. А тут к его услугам просторный дом Вероники Маврикиевны – «гостиница участка», как называл его Шаров.

Была бы Маврикиевна лет на пятнадцать по- моложе, можно было бы попробовать взять ее штурмом. Но появилась Рената.

Собственно разыскал Маврикиевну Сороковский. Еще весной. Однажды в своей обычной насмешливой манере он высказал Антону, что по крайней мере по вечерам не хотел бы лицезреть опостылевшие рожи. Благо, вариант нашелся. Есть поблизости дом, хозяйка которого согласилась пустить его на квартиру. Так что ночевать отныне он будет там. Ну а возникнет производственная необходимость - пусть шлют гонца (за бутылочкой винца!). Он явится незамедлительно. Уход Валька на квартиру еще больше отдалил двух бывших приятелей.

Как-то на участок приехал Шаров и лично провел вечернюю планерку. Возмущившись отсутствием Сороковского, Шаров решил немедленно дать тому нагоняй и попутно упрекать Антона в мягкотелости.

Вдвоем они поехали искать Сороковского. Маврикиевна сказала, что квартирант только что куда-то ушел, предложила чаю, затем показала дом. Это было просторное и прочное строение : пять комнат, летняя веранда и кухня, баня во дворе. Да и сам двор был хорош- в глубине разросся тенистый сад, ухоженный виноградник густо покрывали завязавшиеся гроздья.

- Ну и дворец у вас, хозяйюшка! – изумился Шаров, позабыв о цели визита.

У него появилась очередная идея.

- Эту тетю нам сам бог послал! – говорил он Антону, когда вернулся на участок. - тебе же скоро паломничество начнется – представители треста, главка, министерства. Чем лучше встретишь, тем больше шансов, что помогут, кумекаешь? Вот я и предлагаю. Надо арендовать этот домишко. Сделать его вроде гостиницы. Кто приезжает из нужных людей – туда. Да и самому – помыться, переодеться, отдохнуть. Ну, а ино раз, в дежурство тети Веры , и порезвиться можно, только чтобы соседи не заметили, - он лукаво подмигнул и заключил.

- Вот что! Завтра же поговори с тетей Верой, добейся согласия и сообщи мне.

Вероника Маврикиевна была согласная! Он же сам пришел!

Сороковский узнав о таком повороте событий, понимающе хмыкнул, но без язвительности выразив надежду, что в доме тети Веры все же не будут проводить планерок. Впрочем, комната, которую он занимал, была с отдельным входом, так что собственную автономию Валентин сохранил.

Поначалу Антон приходил к тете Вере изредка, да и то, в основном, чтобы поработать с документацией в спокойной обстановке. Задержавшись однажды допоздна, остался здесь ночевать. Потом рассудил: на участке он ложился последним, вставал первым. Так не все ли равно где спать? А у тети Веры все же домашняя обстановка, вечерний чай, материнская забота хозяйки – все это хорошее лекарство от ежедневных стрессов.

А была бы тетя Вера лет на пятнадцать помладше была бы , то был бы маленький рай на земле. Постепенно Антон все чаще оставался ночевать в «гостинице».

Однажды во время отгулов Антон привез сюда Марину. Исполнил ее давнишнюю просьбу показать среду своего обитания, а также местные достопримечательности: реку, причудливо выющую по долине, архитектурные памятники. Тетя Вера прониклась к Марине симпатией, да и Марине понравилось здесь. Но все испортил Сороковский, тоже не поехавший на отгулы домой. К обеду он появился под руки с подругой – вульгарной, разбитной блондин-

кой. За столом бесцеремонно отпускал двусмысленные шуточки. Смысл этих шуточек заключался в том, что он (Валентин) и Антон, часто проводят время в обществе таких женщин, подобных его (Валентина) спутнице. Марина в конце концов не выдержала и убежала из-за стола, плача и рыдая.

Антон разыскал ее в саду. Объясняться было глупо. Он просто предложил, если Марину интересует правда – пусть поговорит с тетей Верой. Ну а Валентину он набьет морду.

Впервые они поссорились с Мариной по-крупному. Месяц не встречались. Антон был зол на Марину. Как она могла поверить этому козлу. Элементарная логика подсказывает, что он не стал бы приглашать Марину, будь у него здесь другие женщины.

А Сороковский мог бы подумать, чем заканчиваются подобные шуточки. А ведь даже не извинился, мерзавец! Принял невинный вид, прикинулся непонятым. Неужели они были когда-то друзьями?

Погруженный в воспоминания, Антон не спеша приближался к знакомому дому. У калитки остановился и обернулся. Он и сам не мог бы объяснить, что заставило его обернуться.

За дорогой протекал широкий арык, берега которого поросли камышом и невысоким кустарником. Как раз напротив дома тети Веры арык расширился, образуя небольшую запруду. Днем здесь плескались и галдели местные ребятишки.

Сейчас кусты сливались с темнотой, но в слабом свете луны Антон различил одинокую фигуру на высоком берегу арыка. Мало ли кому из соседей в голову пришла фантазия окунуться перед сном!

- Ренаты, вы? Добрый вечер!

- Добрый вечер, - мягко ответила она.

Антон показала, что она полностью обнаженная. Ее белое платье белело на ближайшем кусте. При появлении Антона она даже не пошевелилась.

Несколько возбужденный Антон подошел к ней. Нагая? Нет. На ней был купальник телесного цвета.

- Рената. А вы знаете вас называли на редкость удачно.

- Это папа, - в ее голосе проскользнули нотки нежности. – Он любил редкое, необычное.

- Что ж, вам передались гены родителей.

Даже в полутьме Антон заметил, что она нахмурилась. Да, она как-то странно реагирует на комплименты. К ней не подходит принцип, что «женщины любят ушами?»

Возникла пауза.

- Вам не спиться? Ведь уже поздно, - он не нашел лучшей темы для продолжения разговора.

- Очень душно. Отвыкла от среднеазиатской жары. А здесь, у воды, все же прохладнее.

- Да, денек выдался жаркий, - согласился он. - Я бы тоже с удовольствием окунулся.

- Пожалуйста, - она равнодушно пожала плечами. - Прекрасное времяпровождение, не правда ли? – в ее голосе он уловил ничем не прикрытую грусть.

- Вот так? А почему-то считал, что вы рады оказаться в городе своего детства.

- Еще бы! – воскликнула она. Хотела добавить еще что-то, но промолчала.

- ваш муж смелый человек, если отпустил вас одну, - рискованно пошутил Антон. Он смутно помнил, что тетя Вера что-то рассказывала своих детях, но в памяти ничего не задержалось. Антон всегда следовал принципам Шерлока Холмса, что помнить нужно только необходимое. Рассказы окружающих – что газетные статьи. Мыслимое дело хранить все в памяти!

- Мой муж – в ее голосе он уловил пренебрежительную интонацию. – Нет, смелым человеком его не назовешь.

- Вот как- Антон не рискнул развить эту тему. Но все не удержался и добавил: - А мне показалось, что на том самолете прилетели исключительно счастливые люди.

- Есть ли они- счастливые люди, - ответила она со вздохом: - Вы будете купаться?

- Обязательно.

Она встала. Ее ладная фигура в мини-бикини телесного цвета вызывала большое желания овладеть ею. Здесь ,на берегу.

Рената без всплеска скользнула в запруду.

Покой и тишина вокруг. Ни звука, ни огонечка.

Антон быстро разделся, бросил одежонку на куст, и тоже скользнул в теплую, как парное молоко, воду. Места для двоих хватало. Воду ему по грудь, ей – по подбородок.

Рената стояла, запрокинув руки за голову.

- Мое Азовское море, - улыбнулась не

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.